
Кира Роуз
РАЗВОД.
ЛЮБОВНИЦА ЖИВЕТ
ЭТАЖОМ ВЫШЕ

Кира Роуз

Развод. Любовница живет этажом выше

«Литнет»
2026

Роуз К.

Развод. Любовница живет этажом выше / К. Роуз — «Литнет», 2026

— Настя… что ты тут делешь? — спрашивает Илья, открывая дверь. Из комнаты выбегает мальчик: — Пап, кто там пришёл?Я жила в идеальном мире, пока не постучала в дверь соседки сверху. За ней оказался мой "улетевший в командировку" муж. Он купил эту квартиру на деньги нашей семьи, чтобы тайком воспитывать внебрачного ребенка.Теперь мой мир разбит, дочери в слезах, а муж приказывает "не устраивать сцен". Если я подам на развод сейчас, мы рискуем оказаться на улице. Но у меня есть план как отомстить ему за все годы его измен, и помогать мне в нем будет злейший конкурент моего мужа.В тексте есть: #измена #развод #босс_и_подчиненная #тайный_ребенок #ХЭ НОВИНКА! МУЖ ТАЙНО ПОВЕСИЛ НА МЕНЯ КРЕДИТ СВОЕЙ ЛЮБОВНИЦЫ. ОТОМЩУ!

© Роуз К., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Этажом выше 5
Глава 2. Папа дома 8
Глава 3. Второй дом 11
Глава 4. День рождения 14
Глава 5. Не разводись сейчас 17
Глава 6. Сорок четыре 20
Глава 7. Друг Ильи 23
Глава 8. Мои деньги 26
Глава 9. Сколько стоит пять лет 29
Глава 10. Дом в залоге 32
Глава 11. Анастасия Корнеева, архитектор 36
Глава 12. Не лезь в компанию 39
Глава 13. У папы есть сын 42
Глава 14. Десять процентов 45
Глава 15. Три дня 48
Глава 16. Цена Маши 51
Глава 17. Комната наверху 54
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Глава 1. Этажом выше

Муж открывает мне дверь квартиры этажом выше. Босой.

На нём серые домашние брюки и футболка, которую я покупала ему прошлой весной. За его спиной тёплый свет, чужая прихожая и вода, уже добравшаяся до коврика у порога. Илья смотрит на меня так, будто ошиблась дверью я.

Три часа назад он звонил нашей дочери из командировки.

Утром Маша будит весь дом в шесть сорок. Семь лет ей исполняется только сегодня, но право врываться в родительскую спальню без стука она, по собственному мнению, получила ещё вчера вечером.

— Вы спите? В мой день рождения? — возмущается она и запрыгивает на край кровати.

Илья ловит её, прежде чем пятка достаётся мне под рёбра, и со смехом заворачивает в одеяло. Маша визжит, требует немедленно освободить именинницу, а потом замечает ключ с голубой лентой у отца в пальцах.

Через десять минут мы уже стоим в подземном паркинге. Маша прижимает обе ладони ко рту перед новым бирюзовым велосипедом. Илья придерживает руль, показывает фонарь, корзину и замок, хотя дочь почти не слушает. Она обнимает сначала велосипед, потом отца.

— Пап, сегодня во двор пойдём? Ты обещал научить меня без рук.

Илья на секунду прикрывает глаза. Я тогда принимаю это за досаду человека, которому испортили собственный сюрприз.

— Я помню, кнопка. Но у меня всё-таки командировка. — Он присаживается перед Машей и поправляет капюшон её толстовки. — Вылет после завтрака. Вернусь в понедельник и сразу поедем. Хоть до темноты катайся.

Маша перестаёт улыбаться, но кивает. Она привыкла к его внезапным совещаниям, перелётам и фразе «банк ждать не будет». Я тоже привыкла. За пятнадцать лет брака учишься отличать важное от того, что можно пережить без скандала. День рождения дочери важен. Илья успел подарить ей велосипед, позавтракать с нами и договорился позвонить во время праздника. Я решаю, что этого достаточно, потому что иначе придётся признать: мне снова обидно.

Перед уходом он долго целует Машу в макушку, обнимает Лизу, которая вышла из комнаты ради торта и тут же вернулась к телефону, и останавливается возле меня.

— Не сердись, — говорит тихо. От него пахнет кофе и моим гелем для душа. — После рефинансирования станет легче.

Последние полгода всё должно стать легче после рефинансирования. Я поправляю ворот его рубашки, потому что он завернулся, и сама подаю мужу пальто.

— Хотя бы возьми трубку, когда Маша будет свечи задувать.

— Возьму. Обещаю. — Илья целует меня в висок, забирает пальто и уже из коридора просит прислать фотографию Маши с тортом.

Он уезжает с маленьким чемоданом. Через полчаса пишет, что уже в аэропорту. Я не спрашиваю, почему так рано: аниматор переносит время, курьер привозит шары без цифры семь, а торт оказывается шире свободной полки в холодильнике. К одиннадцати квартира пахнет ванилью, мандаринами и гуашью, которой шестеро детей раскрашивают деревянные домики прямо на моём обеденном столе.

Маша трижды спрашивает, когда позвонит папа. На четвёртый раз я набираю сама.

Илья отвечает не сразу. Изображение появляется с размытым фоном: различимы только его лицо, белая стена и край какого-то светильника.

— С днём рождения ещё раз, моя большая девочка! — Он улыбается широко, привычно, и Маша тут же перестаёт дуться. — Покажи, что вы там делаете.

Она носится с телефоном по гостиной, знакомит его с аниматором в костюме лабораторного профессора, демонстрирует торт и заставляет рассмотреть каждый домик. Илья терпеливо хвалит кривые крыши, смеётся вместе с детьми и обещает привезти подарок из Казани.

— Ты в гостинице? — спрашивает Маша, когда я возвращаю телефон на подставку возле торта.

— Пока да. Скоро встреча, — отвечает он после короткой паузы. — Дуй свечи, кнопка. Я смотрю.

Мы выключаем свет. Семь огоньков дрожат в полутьме, дети сбиваются на третьей строчке песни, а Маша закрывает глаза так старательно, что морщит нос. Илья хлопает с экрана вместе со всеми. Потом его кто-то зовёт — я слышу приглушённый звук, похожий на детский голос, но вокруг орут наши гости, и разобрать ничего невозможно.

— Мне пора. Люблю тебя, — быстро говорит Илья и отключается.

Маша ещё секунду смотрит на погасший экран, затем принимается делить шоколадные фигурки с торта. Я убираю телефон, запрещаю себе придираться к двум минутам разговора и иду спасать белый диван от стакана вишнёвого морса.

Протечку первой замечает Лиза.

— Мам, у нас потолок плачет, — говорит она с таким спокойствием, что я сначала думаю: шутит.

В коридоре возле гостевого санузла по белой краске расползается серое пятно. Вода собирается на стыке потолочных панелей, тяжелеет и падает на паркет крупными холодными каплями. Ещё одна струйка уже бежит по стене к выключателю.

Я выдёргиваю вилку удлинителя, подставляю таз и звоню диспетчеру. Та обещает отправить аварийщика, но просит сначала подняться к соседям: если дома, пусть перекроют воду.

Сверху живёт Валерия, молодая женщина с четырёхлетним сыном. Мы не дружим, хотя несколько раз ездили вместе в лифте. Однажды я придерживала дверь, пока она втаскивала коляску, а Маша знает её Мишу как «мальчика сверху». Сегодня на шум никто не реагирует.

— Лиз, присмотри за ними пять минут. К розетке никого не пускай, — прошу я, стягивая с кухонной стойки полотенце.

Дочь смотрит на мокрый потолок и наконец откладывает телефон.

— Может, я схожу?

— Нет. Ты остаёшься с Машей. Если польётся сильнее — звони мне и выводи всех из коридора.

На лестничной площадке прохладно и пахнет свежей краской: управляющая компания второй день подновляет стены у лифтов. Я поднимаюсь на один пролёт, снова звоню Валерии и слышу за дверью глухой шум, быстрые шаги, детский плач. Значит, дома.

Нажимаю на звонок и стучу кулаком.

— Валерия! Вы нас заливаете! Перекройте воду!

За дверью что-то падает. Мужской голос отвечает раздражённо:

— Да иду уже. Аварийщик, наверное.

Я успеваю подумать, что голос знакомый. Замок поворачивается, дверь распахивается, и утро с велосипедом, маленький чемодан, белая стена на экране складываются в такую невозможную картину, что я продолжаю держать мокрое полотенце обеими руками.

Илья застывает на пороге. Волосы влажные, на футболке у плеча тёмное пятно. В прихожей стоят его белые кроссовки — те самые, которые он будто бы надел в аэропорт. Рядом сушатся крошечные синие ботинки.

— Настя…

Он произносит моё имя очень тихо и зачем-то оглядывается в квартиру. Я тоже смотрю туда. На низкой тумбе лежат мужские часы. Я сама дарила их Илье на сорокалетие.

Из комнаты выбегает Миша. Он в одной пижамной штанине, вторую тащит за собой и сердито сообщает:

— Пап, кто пришёл?

Глава 2. Папа дома

Слово «пап» остаётся между нами, пока вода тонкой струёй ползёт из ванной в прихожую.

Я знаю этого мальчика. Видела, как он прижимал ладонь к стеклу лифта, чтобы двери не закрылись перед Машей. Слышала, как Валерия звала его Мишей. Ему четыре — прошлой осенью она рассказывала консьержке про день рождения.

Илья делает шаг ко мне и сразу останавливается: я поднимаю мокрое полотенце, словно могу им отгородиться.

— Настя, давай выйдем на лестницу. Здесь сейчас…

— Пап, там вода, — перебивает Миша и тянет его за футболку. — Мама сказала не ходить, а я не хожу.

Илья накрывает детскую ладонь своей. Делает это привычно, даже не глядя. Так он держал Машу возле дороги, пока она была маленькой.

Я считаю про себя. Четыре года. Почти пять лет назад я ещё выбирала Маше садик и ждала мужа с бесконечных совещаний. Четыре года назад он рассказывал, что ночует в офисе перед сдачей объекта. В тот год я возила Лизу по врачам из-за затяжного кашля и боялась лишний раз звонить ему, чтобы не мешать.

— Он твой? — спрашиваю я.

Илья смотрит через моё плечо на закрытые двери лифта. Ему всё ещё важно, чтобы нас никто не увидел.

— Давай спокойно поговорим. Не при ребёнке.

— Я задала один вопрос. — Я не отступаю с порога, хотя он явно рассчитывает вытеснить меня на площадку и закрыть дверь.

Миша переводит взгляд с него на меня. На щеке у мальчика остался зелёный след фломастера, а мокрая пижамная штанина прилипла к лодыжке. Он начинает чувствовать, что происходит что-то плохое, хотя пока не понимает причины.

— Иди в комнату, Миш, — просит Илья. Голос у него делается мягким. — Я сейчас приду.

— Ты обещал достроить гараж.

— Дострою. Дай мне пять минут, — обещает Илья и кивает в сторону комнаты.

Мальчик не двигается. Илья присаживается, подтягивает на нём вторую штанину, поднимает с пола маленький носок. В его движениях нет ни одной заминки. Он знает, где здесь детские вещи, как уговорить Мишу и что за гараж они строили до протечки.

Из глубины квартиры доносится женский голос:

— Илья, подай ещё полотенца! Там шланг сорвало, я одна не удержу!

Он закрывает глаза. Совсем ненадолго, однако я успеваю увидеть, как меняется его лицо. До этой секунды он ещё надеялся подобрать объяснение.

Валерия выходит из ванной с охапкой мокрых полотенец. На ней короткий домашний халат, волосы собраны резинкой, ступни босые. Увидев меня, она выпускает край верхнего полотенца. Тяжёлая ткань шлёпается в воду.

— Настя?

Она знает, как меня зовут. Конечно, знает. Мы встречались в лифте, здоровались, говорили о детях. Она жила над моей головой два с половиной года и каждый день знала, кто находится под её полом.

— Перекройте стояк, — говорю я, потому что внизу шестеро чужих детей и моя дочь празднует семь лет под мокрым потолком. — Вода уже возле проводки.

Валерия отступает в ванную. Илья будто получает задачу, которую ещё можно решить, и резко выпрямляется.

— Я перекрыл. Остаток из машинки выливается. Аварийщик едет.

— Я тоже вызвала. — Я кладу полотенце у порога, прижимаю его носком туфли и снова смотрю на Мишу. — Сколько ему лет?

Илья проводит ладонью по влажным волосам. Он медлит, и Валерия отвечает из ванной, повысив голос:

— Четыре с половиной.

— Лера, не надо! — Илья оборачивается к ней так быстро, что Миша шарахается к стене.

Валерия возвращается в коридор. Теперь она бледная, халат на груди мокрый, но смотрит на него без испуга.

— А что не надо? Она уже всё увидела. Ты собираешься сказать, что Миша соседский и случайно зовёт тебя папой?

Я наклоняюсь и поднимаю носок, который Илья уронил. Машинально отжимаю его над полотенцем, разглаживаю. Если перестану делать хоть что-то, придётся схватиться за стену, а я не хочу касаться стены в их доме.

— Он твой? — повторяю я, глядя мужу в лицо.

— Да, — отвечает Валерия.

Илья резко выдыхает, но спорить с ней уже бессмысленно. Он снова пытается взять меня за локоть.

— Настя, пойдём вниз. Я всё объясню. Только не здесь и не сейчас.

Я отдёргиваю руку и слышу собственный смех. Один короткий, сорванный звук пугает меня сильнее, чем если бы я закричала.

— Вниз? К нашей дочери? У неё торт на столе, гости и папа в Казани. Как именно ты собираешься спуститься к ней из этой квартиры?

Миша хмурится.

— Папа дома.

Валерия обнимает сына за плечи, но он выворачивается. Ему мешает мокрая одежда и раздражает, что взрослые перестали объяснять понятными словами.

Илья понижает голос:

— Не втягивай детей. Я виноват. Со мной и разбирайся.

— Я их не втягивала. — Я наконец кладу мокрый носок на тумбу. — Ты поселил своего сына этажом выше своих дочерей.

Он стискивает челюсть. Раньше после такого выражения я обычно откладывала разговор: у Ильи тяжёлый день, завтра банк, через неделю совет директоров. Сейчас откладывать уже некуда.

— Когда ты признал отцовство?

Илья уводит Мишу в комнату, включает там мультфильм и прикрывает дверь. Я остаюсь возле порога. Валерия не уходит. Вода уже почти перестала течь, зато из ванной тянет порошком и горячей резиной.

— После рождения, — говорит он, вернувшись. — Официально. Я помогаю ему, участвую в его жизни. Да, я должен был сказать тебе. Давно. Я собирался.

— В какой день? — Я протягиваю ему маленький мокрый носок. — Между покупкой квартиры и постройкой гаража? Или после следующего рефинансирования?

Он не берёт носок. Валерия закрывает халат плотнее и смотрит на Илью, словно впервые слышит, что признание всё это время только планировалось.

— Ты говорил, она знает, — произносит она.

Илья поворачивается к ней, и я вижу готовую злость человека, которого подвели в самый неподходящий момент.

— Я говорил, что мы с Настей давно живём ради детей. И сейчас не время обсуждать наши разговоры.

— Мне ты говорил другое. — Валерия замолкает, когда Миша делает мультфильм громче. — Что она знает про нас. Что развод откладывается из-за компании.

Я смотрю на женщину, которой когда-то помогла втащить коляску в лифт. Она знала, что я жена. Знала, где я живу. И поверила — или позволила себе поверить, — что мне сообщили о квартире над головой и о ребёнке моего мужа.

— Почти пять лет? — переспрашиваю я. — Ты успел завести ребёнка, признать его, купить квартиру. И всё это время возвращался ко мне ужинать?

Илья морщится и глядит на Валерию, будто она должна помочь ему вспомнить правильные даты.

— Когда Лера забеременела, я хотел сказать. Потом у тебя отец попал в больницу, Маша была маленькая… Настя, я понимаю, как сейчас это звучит.

Он не понимает. Если бы понимал, не подбирал бы мне ещё одну причину, почему в очередной раз промолчал.

В сумке звонит телефон. На экране Маша в бумажной короне — фотография, которую я сделала час назад. Я обещала вернуться через пять минут, а сама стою здесь и всё ещё держу чужой детский носок.

— Мам, вы там починили? — Дочь перекрикивает музыку. — Папа написал! Можно я ещё раз ему позвоню? Я желание забыла рассказать.

Илья тянется к телефону, но я отворачиваюсь.

— Потом, Маш. У папы сейчас… встреча.

Мне противно произносить эту ложь его словами. Валерия садится на тумбу и начинает тереть полотенцем лужу возле босых ног, хотя вода больше не течёт. Илья стоит рядом и молчит.

— Он ещё в гостинице? — спрашивает Маша.

В детской хлопает дверь. Миша выходит с пластмассовой стенкой от гаража и дёргает Илью за футболку:

— Пап, ты идёшь?

Глава 3. Второй дом

Маша всё ещё ждёт ответа, а Миша уже тянет Илью в детскую. Оба его ребёнка зовут отца почти одновременно. Он смотрит на мой телефон, потом на сына и не отвечает никому.

— Мам, ты меня слышишь? — Голос дочери становится тревожным.

Я заставляю себя отвернуться от Ильи.

— Слышу. Аварийщик сейчас придёт, я спускаюсь. Попроси Лизу открыть ему и не заходи в мокрый коридор.

— А папе можно звонить?

— Пока нет, Маш. Я скоро.

Отключаюсь прежде, чем она успевает спросить ещё что-нибудь. Миша уже вернулся к мультфильму. Илья прикрывает дверь детской плотнее и подходит ко мне.

— Ты сейчас пойдёшь вниз, — говорит он негромко. — Мы закончим праздник, потом я всё расскажу. Без детей, без соседей и без этой истерики на площадке.

— Истерики? — Валерия поднимается с тумбы. Полотенце остаётся под её ногами скомканной серой грудой. — Она ещё даже голос не повысила.

— Лера, помолчи хотя бы пять минут.

Он говорит с ней тем же тоном, которым дома просит меня не вмешиваться в разговор с банком или сотрудником. Я думала, это голос мужа, привыкшего руководить большой компанией. Оказывается, у него здесь тот же голос, те же просьбы, то же право решать, кто и когда откроет рот.

В прихожей тесно. Я отступаю от мокрого порога и упираюсь плечом в открытую дверцу шкафа. На внутреннем крючке висит тёмно-синяя куртка Ильи. Я считала, что она осталась в машине после зимы. Под ней — две его рубашки в чехлах из химчистки.

— Закрой шкаф, — резко просит он.

Я распахиваю дверцу шире.

На полке лежит запасной комплект ключей от нашей машины, щётка для обуви и коробка таблеток от изжоги. Илья покупает именно эти, в зелёной упаковке, и ворчит, если я приношу другой препарат. Рядом стоят его коричневые ботинки, старые, разношенные. В командировки их не берут. В них ходят выносить мусор и забирать доставку.

— Два с половиной года, — произносит Валерия у меня за спиной.

Илья с силой закрывает шкаф. Дверца ударяет по моему локтю, и он тут же пытается поймать меня за руку.

— Чёрт, Настя, прости. Я не хотел.

Я отступаю. Локоть ноет, но эта боль хотя бы понятная: ударилась, будет синяк. С остальным так просто не получается.

— Два с половиной года что?

Валерия смотрит на Илью. Он едва заметно качает головой, но она уже устала выполнять его правила.

— Столько мы живём здесь. До этого снимали на юго-западе.

— Мы? — Я провожу пальцами по ушибленному локтю. — Ты и Миша?

— Я, Миша и Илья, когда он приходил. — Валерия поправляет пояс халата. — Иногда на ночь. Иногда на выходные. В последние месяцы чаще.

Илья встаёт между нами.

— Хватит. Ты думаешь, помогаешь? Ты только делаешь хуже.

— Кому? — спрашивает она. — Тебе?

Он не отвечает. Я прохожу мимо них в гостиную. Илья хватает меня за плечо, однако я сбрасываю его ладонь и продолжаю идти. Мне нужно увидеть самой. Иначе вечером он снова начнёт выбирать слова, отделять «отношения» от «ошибки», а «жил» от «иногда оставался».

На диване лежит раскрытый ноутбук Ильи. Рядом зарядка с синей изолентой — я обмотала надорванный провод ещё весной. На журнальном столике стоит его чашка: чёрный кофе, две ложки сахара, молока нет. В открытой кухне у мойки сушится высокая кружка с логотипом «Вертикали». Дома из неё пьёт Лиза, потому что отец якобы давно потерял свою на стройке.

— Настя, не ходи по квартире, — требует Илья, догоняя меня.

— Почему? Боюсь наступить на ещё одну твою жизнь?

Он дёргает ноутбук со стола и захлопывает крышку. На экране успевает мелькнуть рабочая таблица. Выходит, здесь он не только спит и строит игрушечные гаражи. Здесь проходят те самые поздние совещания, из-за которых мне нельзя было звонить.

Валерия остаётся в дверях гостиной. Её лицо делается жёстче с каждой найденной вещью, хотя ничего нового для неё тут нет. Возможно, ей неприятно видеть свою квартиру моими глазами.

— Сколько длится связь? — спрашиваю я.

Илья ставит ноутбук на высокий шкаф, будто проблема заключается в том, что я могу его забрать.

— Сейчас цифры ничего не изменят.

— Тогда тебе легко их назвать.

Он смотрит на Валерию и устало проводит ладонью по лицу.

— Почти пять лет.

Пять. Маша тогда ещё спала днём, Лиза пошла во второй класс. Мы с Ильёй выбирали плитку для этой квартиры и спорили, нужна ли в спальне тёмная стена. Он уже возвращался от другой женщины, ложился рядом и обсуждал со мной цвет краски.

Из коридора доносится звонок. Аварийщик представляется через дверь, и Валерия идёт открывать. Мужчина в синей форме шагает по мокрому полу, сердится на неправильно закреплённый сливной шланг и просит ведро. Мир не рухнул для него. У него следующая заявка через двадцать минут.

Я замечаю приоткрытую дверь спальни. На широкой кровати смято одеяло с двух сторон. На тумбе лежит футляр от очков Ильи, заряжается его вторая гарнитура. В ванной, куда проходит аварийщик, возле раковины стоят две взрослые зубные щётки. Бритва мужа подключена к розетке.

Илья подходит сзади, но теперь уже не пытается прикоснуться.

— Я не жил здесь постоянно. Большую часть времени был с вами.

— Спасибо. — Я оборачиваюсь. — Пять лет ты делил ночи, а мне досталась большая часть. Очень щедро.

Он морщится от моего тона, как будто я нарушаю правила серьёзного разговора.

— Я люблю девочек. И тебя я…

— Не продолжай.

Он замолкает. Аварийщик просит Валерию включить машинку на слив, из детской гремит мультфильм, на плите остывает кастрюля с макаронами. Здесь ждали обычные семейные выходные. Сын обиделся, что отец опять отменяет встречи, и Илья остался с ним на два дня. Я не знаю этих подробностей, но вижу купленные на троих продукты, разобранный гараж и маленький чемодан мужа возле спальни.

— Сегодня день рождения Маши, — говорю я. — Ты поднимался сюда прямо от неё?

— Я обещал Мише выходные. Он несколько месяцев видел меня урывками. Я позавтракал с Машей, подарил велосипед, был на видеосвязи. Я собирался вечером спуститься, если бы получилось.

Каждое слово звучит разумно, пока не поставить рядом два детских имени. Он раздал им часы, придумал командировку и решил, что всем хватит.

Я иду к выходу. Илья следует за мной, быстро надевая кроссовки.

— Куда ты?

— На день рождения нашей дочери. Туда, откуда ты утром якобы уехал в аэропорт.

— Я спущусь вечером. Скажем, что рейс отменили.

Я разворачиваюсь так резко, что он останавливается в шаге от меня.

— Ты не скажешь ей ещё одну ложь. И в нашу спальню больше не зайдёшь. Заберёшь вещи и уйдёшь.

Илья медленно выпрямляется. На лице появляется спокойствие, которое я слишком хорошо знаю: так он ведёт переговоры, когда перестаёт просить.

— Из какого нашего дома ты меня выгоняешь?

Я смотрю на него, не сразу понимая вопрос.

— Из квартиры, где живут твои дочери.

— Она куплена до брака, Настя. — Илья придерживает дверь, не давая мне захлопнуть её перед собой. — Юридически она моя.

Глава 4. День рождения

— Юридически она моя.

Илья повторяет это уже на лестничной площадке. За дверью Валерии аварийщик запускает машинку, трубы гудят, где-то наверху лает собака. Я стою на один пролёт выше квартиры, которую пятнадцать лет называла домом, и впервые пытаюсь вспомнить дату договора купли-продажи.

— Мы выбирали её вместе.

— Выбирали вместе, — соглашается он после паузы. — Но купил её я за полгода до свадьбы. Ты прекрасно это знаешь.

Знала. Когда мы получили ключи, у меня ещё не было белого платья, зато уже были чертежи перепланировки и папка с образцами дерева. Илья тогда смеялся, что женится на архитекторе ради бесплатного ремонта. Мне действительно было всё равно, чьё имя стоит в договоре. Мы собирались прожить там всю жизнь.

— Сейчас в ней наши дети, — напоминаю я.

Илья оглядывается на дверь сверху. Говорит тише:

— Я не выгоняю девочек и не собираюсь. Но ты не можешь выставить меня из моей собственности. Вечером поговорим. Сейчас спустись к гостям и возьми себя в руки.

Последняя фраза возвращает мне равновесие лучше пощёчины. Он пять лет водит меня между двумя квартирами вслепую и всё ещё считает, что именно я могу повести себя неловко.

— Не появляйся на празднике, пока не решишь, что скажешь дочерям без новой лжи.

Я спускаюсь. На нашем этаже вода уже добежала до лестничной клетки. Возле двери стоит Лиза с пустым тазом и слушает голоса сверху.

— Мам, там папа? — спрашивает она, едва я подхожу.

В тринадцать дети уже умеют слышать паузу раньше ответа. Я забираю у неё таз.

— Иди к гостям. Я сейчас вытру здесь и приду.

— Это был его голос.

— Лиза, пожалуйста.

Она смотрит на моё лицо и больше не спорит. В квартире аниматор командует запуском бумажных ракет. Маша смеётся громче всех. Я закрываю входную дверь, кладу полотенца на лужу и несколько секунд сижу на корточках, прижимая ткань к паркету.

Потом встаю. У меня шесть детей, родители Машиной подруги приедут через сорок минут, а торт уже начал оседать с одного края. Из гостиной доносится смех Маши, и я цепляюсь за этот звук, пока меняю промокшие носки, смываю с рук серую воду и возвращаюсь к детям.

— Починили? — Маша подбегает ко мне в бумажных очках.

— Да. Можно продолжать громить квартиру.

Она счастливо убегает. Лиза сидит у окна, держит телефон на коленях и следит за мной. Я раздаю детям салфетки, фотографирую финал опыта с пеной, благодарю аниматора и режу остатки торта для родителей. Всё получается. Никто из гостей не замечает, что хозяйка дома перестала чувствовать вкус собственной еды.

Когда закрывается дверь за последним ребёнком, Маша падает на ковёр среди упаковочной бумаги.

— Лучший день рождения! Только папы мало.

Лиза резко встаёт с подоконника.

— Маш, иди покажи подарки в своей комнате.

— Ты уже видела.

— Тогда посчитай, сколько у тебя наборов с браслетами. Один точно одинаковый.

Маша ворчит, но собирает коробки и уходит. Лиза ждёт, пока дверь детской закроется, затем подходит ко мне.

— Он был сверху.

Я складываю бумажные тарелки одну в другую. Края липнут от крема.

— Был.

— У той женщины с мальчиком?

— Да.

Дочь кивает, будто подтверждает собственный расчёт. Я вижу, как она прокручивает утро: отцовский чемодан, обещанный самолёт, звонок из гостиницы.

— Почему?

Звонок в дверь избавляет меня от ответа. На пороге стоит Илья. Он успел переодеться: тёмные джинсы, рубашка, сухие волосы. Чемодана нет. Если бы я не видела его босым, можно поверить, что муж действительно только что приехал из аэропорта.

Лиза замечает то же самое и отступает, пропуская его. Не обнимает.

— Рейс отменили? — спрашивает она.

Илья закрывает дверь и медленно снимает обувь.

— Поездку перенесли. У нас с мамой произошёл серьёзный конфликт. Мы поговорим, только давайте спокойно.

— Ты пришёл сверху, — говорит Лиза.

Он бросает на меня быстрый взгляд. Раньше я бы помогла: придумала объяснение про соседей и протечку, увела девочек ужинать. Я продолжаю складывать тарелки в мусорный пакет.

Маша выглядывает из комнаты.

— Папа! Ты всё-таки приехал!

Она бросается к нему. Илья подхватывает её, прижимает к себе, спрашивает про подарки. На лице у него появляется настоящая радость. От этого только хуже. Любовь к дочери не помешала ему провести её день рождения с сыном, которого он спрятал над её потолком.

— Мы пойдём кататься? — Маша обхватывает его шею. — Уже темно, но у велосипеда фонарь.

— Сегодня поздно, кнопка. Завтра обязательно.

Я вижу, как Лиза стискивает телефон.

— Не обещай, если опять исчезнешь, — бросает она.

Илья опускает Машу на пол.

— Я никуда не исчезаю. Просто у взрослых сложная ситуация.

— Какая? — Маша переводит взгляд на меня. — Вы разводитесь?

Слово она произносит почти весело, как что-то из сериала. Я присаживаюсь перед дочерью и убираю с её волос прилипший кусочек конфетти.

— Мы пока ничего не решили. Папа сегодня будет спать отдельно. Это взрослый разговор, и тебе не нужно выбирать чью-то сторону.

Илья едва заметно напрягается при слове «отдельно», но не возражает.

— Я всё равно вас обоих люблю, — решает Маша. — Можно я пойду собирать браслеты?

— Конечно.

Маша убегает, успокоенная тем, что от неё ничего не требуют. Лиза остаётся возле стола и ждёт, пока сестра закроет дверь.

— При Маше молчим, — сразу говорит Илья. Он не просит; уже раздаёт нам указания. — Ей семь лет, Настя. Успеет ещё узнать взрослую грязь.

Я завязываю пакет с липкими тарелками и ставлю у входа.

— Про подробности я ей не скажу. А командировок больше не придумывай.

— Да какую командировку? — Илья повышает голос, потом вспоминает про Машу и продолжает тише: — Я уже сказал, что поездка сорвалась. Нормальное объяснение. Остальное обсудим и решим, как подать детям.

Лиза сдвигает брови.

— Ты переоделся.

Илья не сразу понимает, о чём она.

— Что?

— Когда я вынесла таз, ты был наверху в серой футболке. Сейчас на тебе рубашка. — Дочь отходит от стола, чтобы видеть его целиком. — Ты там хранишь одежду?

Илья берёт бутылку воды и начинает откручивать крышку. Та идёт туго, мнёт пластик под его пальцами.

— Я помогал с протечкой. Пришлось переодеться, меня залило.

— А чемодан утром? — Лиза не даёт ему сделать глоток. — Я видела тебя у лифта с чемоданом. Ты вошёл обратно в подъезд, когда водитель уехал. Я решила, документы забыл.

Илья смотрит на меня. Раньше мне хватало такого взгляда, чтобы заговорить первой и прикрыть неловкость. Я вытираю со стола каплю воды и молчу.

— Папа жил наверху, — говорю, когда пауза становится мучительной уже для Лизы. — Там живёт Валерия. У них отношения. Маше мы пока этого не рассказываем, а тебе я врать не стану.

Илья роняет крышку. Она катится под диван.

— Я сам хотел поговорить с дочерью! Без твоих формулировок и обвинений.

Лиза пятится от отца, задевает пяткой коробку с подарком и едва не падает. Я тянусь к ней, но она отмахивается от меня тоже. Смотрит только на Илью.

— Ты нам изменял прямо в нашем доме?

Глава 5. Не разводись сейчас

Лиза ждёт. Илья смотрит на дочь и впервые за весь вечер не находит слов сразу.

— Я изменял маме, — произносит он наконец. — Перед вами я виноват в том, что скрывал брата. Но я вас не бросал и никогда не брошу.

— Брата? — Лиза цепляется за слово. — У нас есть брат?

Из Машиной комнаты доносится грохот коробок. Илья оборачивается на звук, понижает голос:

— Да. Мише четыре года. Сейчас достаточно. С остальным разберёмся завтра.

Лиза смотрит на потолок. Квартира Валерии находится прямо над гостиной, и теперь дочь тоже это знает.

— Он там? Сейчас?

— Он маленький и ни в чём не виноват, — отвечаю я раньше Ильи. — Запомни это, пожалуйста. Ты можешь злиться на нас, на папу, на Валерию. Миша ребёнок.

Лиза кивает, но к отцу больше не подходит. Забирает с дивана свой телефон и закрывается в комнате. Илья идёт следом, однако я останавливаю его у двери.

— Оставь её.

— Она моя дочь. Я поговорю с ней.

— Ты только что поговорил. Дай ей хотя бы час, когда ты ничего не объясняешь за неё.

Илья сжимает губы, прислушивается к тишине за дверью и отступает. Потом спрашивает, где его дорожная сумка, будто мы перешли к обычным домашним делам.

Он собирается в спальне. Я остаюсь в гостиной с Машей и помогаю нанизывать бусины. Дочь выбирает для отца чёрные и серебристые, ворчит, что Лиза вредная и не хочет выходить. Я несколько раз роняю тонкую резинку, а Маша смеётся, что после семи лет руки у мамы стали кривыми.

Илья выходит с большой сумкой. На плече висит пиджак, из бокового кармана торчит зарядка. Он задерживается возле Маши.

— Мне надо уйти на несколько дней.

— В командировку? — Она не отрывается от браслета.

— Нет, кнопка. Я буду рядом. Утром зайду и отвезу тебя кататься.

Я смотрю на мужа. Он понимает предупреждение и добавляет:

— Если мама не будет против.

Маша протягивает ему недоделанный браслет.

— Тогда возьми пока такой. Потом доделаю.

Илья надевает короткую резинку на два пальца и целует дочь. У двери ещё раз пытается коснуться моего плеча, но я отхожу. Замок щёлкает. Через минуту сверху скрипит дверь, затем по потолку проходят тяжёлые шаги.

Муж ушёл от меня на один этаж.

Ночью я лежу поверх покрывала. Лиза не выходит, Маша засыпает рядом со мной, обняв коробку с набором для браслетов. В половине второго наверху передвигают стул. Потом несколько раз включают воду. Я могу указать точку, где сейчас находится Илья: кухня Валерии расположена над нашей спальней после перепланировки. Я сама когда-то видела план соседней квартиры и отмечала мокрые зоны для согласования ремонта.

Телефон загорается сообщением мужа: «Лиза ответила. Сказала, что завтра поговорим. Пожалуйста, постарайся поспать». До утра я ещё дважды слышу его шаги над собой и каждый раз невольно смотрю на потолок.

Я удаляю уведомление с экрана, не открывая переписку. Он знает, что я не сплю. Всё равно пишет из комнаты над моей головой, словно находится далеко и может только посочувствовать.

Утром Илья спускается в половине девятого. Маша ещё спит, Лиза сидит на кухне в наушниках. Он принёс кофе из нашей любимой пекарни и пакет тёплых круассанов. Ставит всё на стол так, будто правильный завтрак способен удержать семью на месте.

— Я хочу поговорить с мамой, — говорит он дочерям. — Потом зайду к каждой.

Лиза вынимает один наушник.

— Ты ночевал сверху?

— Да. — Илья не пытается соврать. — И сегодня, скорее всего, тоже буду там.

Она вставляет наушник обратно и уходит. Маша даже не проснулась. Я беру свой кофе, выхожу на лоджию и закрываю дверь. Илья следует за мной.

С улицы тянет влажным сентябрьским холодом. Во дворе дворник собирает лопнувшие после праздника шарики, которые дети унесли на прогулку.

— Не подавай пока на развод, — начинает Илья.

Я жду продолжения. Извинений не будет — это я уже понимаю. Он пришёл с просьбой и заранее решил, что она разумная.

— Хотя бы месяц, — добавляет он. — До рефинансирования «Речного квартала». Банк сейчас перепроверяет модель, у нас сложный этап. Если наружу выйдет скандал с семьёй гендиректора, кредитный комитет может решить, что начнётся раздел активов.

— Он и начнётся.

Илья облокачивается на подоконник, но тут же убирает руку: камень холодный.

— Я не прошу тебя простить или сделать вид, что ничего нет. Подай документы через четыре недели. За это время я закрою сделку, мы спокойно обсудим жильё, счета и детей. Тебе же самой будет проще.

— Вчера тебе было проще, когда я считала тебя в Казани.

Он дёргает молнию куртки выше.

— Да, я врал. Я отвечу за это. Только банк здесь ни при чём, сотрудники ни при чём, покупатели квартир тоже. Один заголовок может стоить компании следующего транша.

— Пятнадцать лет я не знала, что наши семейные решения проходят кредитный комитет.

— Настя, не передёргивай. — Он начинает раздражаться, хотя старается говорить тихо. — Ты понимаешь, как устроен бизнес. Ты сама была у истоков «Вертикали».

Была. Когда-то я рисовала первые концепции по ночам рядом с ним. Потом родилась Лиза, позже Маша, а Илья всё чаще говорил, что одному из нас нужно находиться дома. Теперь моё старое участие пригодилось ему как аргумент, почему я должна ещё месяц вести себя удобно.

— Я ничего не обещаю.

— Тебе обязательно сделать хуже нам обоим?

— Это ты сделал. Я пока только выбираю адвоката.

Илья отходит от окна. Лицо у него усталое, под глазами серые тени; возможно, он тоже не спал. Раньше я обязательно спросила бы, ел ли он и взял ли таблетки от изжоги.

— И о квартире, — напоминает он. — Не руби с плеча. Она моя по документам, но я не собираюсь оставлять девочек без дома. Мы договоримся, если ты не начнёшь войну.

Телефон в его кармане вибрирует. Илья смотрит на экран и выходит с лоджии, не ответив. Я иду за ним: он не станет обсуждать важное при мне, но имя «Марина» успеваю увидеть.

— Да, — говорит он в коридоре. — Сегодня воскресенье, если ты забыла.

Женщина отвечает так громко, что отдельные слова слышны даже без динамика: «банк», «таблица», «прилетает». Илья закрывает дверь в спальню, однако я успеваю услышать фамилию.

Через минуту он выходит. Кофе остаётся на столе, к круассанам никто не притронулся.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Тебя это не касается.

Он берёт пиджак и снова смотрит на телефон. Большим пальцем набирает сообщение, стирает, набирает ещё раз.

— Роман возвращается? — уточняю я.

Илья прекращает печатать.

— Ланской четыре года руководил региональным кластером. Пусть им и занимается.

Марина присылает ещё одно сообщение. Илья открывает его и несколько секунд стоит в прихожей с одной рукой в рукаве пиджака.

— Вот же чёрт.

— Что она написала?

Он уже собирается погасить экран, но я успеваю прочитать первую строку. Илья раздражённо дочитывает сам:

— «Роман Ланской прервал поездку. Завтра утром будет в Москве».

Глава 6. Сорок четыре

Илья всё-таки надевает пиджак, но уходить перестаёт.

— Кто отправил ему банковские таблицы? — Он снова звонит Марине; она не отвечает. — Без пояснений они выглядят хуже, чем есть.

— Роман увидел риск для своих сорока четырёх процентов и прилетел. Странная реакция, правда?

Илья убирает телефон в карман.

— Ты сейчас даже не знаешь, о каких суммах речь.

— Зато помню, сколько у кого акций. Или и это успело измениться?

Семейные сорок шесть процентов при создании «Вертикали» записали на Илью. Роману принадлежали сорок четыре, Павлу Берестову — десять. Я тогда сама шутила, что мужу достались бумаги, а мне — право выбирать шампанское после первой прибыли.

— Ничего не изменилось. — Илья уже открывает дверь, но задерживается. — И не надо делать вид, будто ты в курсе дел. Семь лет тебя всё устраивало.

— Меня устраивало заниматься детьми, пока муж занимается нашей компанией. Про вторую квартиру в этот договор не входило.

Он хочет ответить, смотрит на часы и передумывает. Сумка задевает косяк, из бокового кармана выпадает зарядка. Илья поднимает её, раздражённо запихивает обратно и уходит. Через несколько минут я слышу, как Валерия открывает ему сверху.

Круассаны лежат на кухне до обеда. Маша съедает один, второй берёт Лиза, остальные я вечером выбрасываю. Пакет пахнет ванилью ещё после того, как становится пустым.

На следующее утро Лиза исчезает из квартиры на десять минут раньше обычного. Пишет уже из автобуса: «С ним не поеду». Маша ждёт Илью во дворе, крутит на запястье законченный браслет и сердится, когда я трижды переспрашиваю, во сколько отец вернёт её домой.

— Мам, я только до школы, — шепчет она, оглядываясь на подъехавшую машину. — Не устраивай опять взрослый разговор.

Я отпускаю дочь и записываю номер адвоката из сообщения подруги на обороте старого чека. Он отвечает сам, без секретаря. Встречу предлагает вечером и просит не вспоминать имущество по памяти, а принести бумаги. Любые.

В шкафу находятся страховые полисы, договор на ремонт двенадцатилетней давности и папка «Активы». Она пустая. Я вытряхиваю её над столом, хотя понимаю, что листы там не прилипли. Илья давно унёс всё в свой кабинет.

Его секретарь говорит, что гендиректор занят до вечера. На просьбу подготовить копии она трижды отвечает «уточню», а потом добавляет, что личный сейф без Ильи не откроет.

— Не открывайте. Пусть даст то, что относится ко мне и детям. Я приеду через час.

В здании «Вертикали» охранник просит паспорт. Раньше он здоровался со мной и звонил наверх уже после того, как я проходила турникет. Теперь сверяет фотографию с моим лицом, выписывает гостевой пропуск и просит ждать у стойки.

Я жду среди запаха кофе и влажного камня, рассматривая стену с проектами. Три года назад здесь висели мои «Сады». Теперь на их месте рендер «Речного квартала» — стеклянные башни, которых в исходной концепции не было.

— Анастасия?

Я оборачиваюсь. Роман Ланской выходит из лифта вместе с двумя сотрудниками, которые продолжают что-то доказывать ему на ходу. Он поднимает ладонь, останавливая разговор, и подходит ко мне. Ему сорок три, в тёмных волосах у висков появилась седина, а привычка смотреть прямо на человека не изменилась.

— Не ожидал увидеть тебя здесь.

Когда-то он называл меня Корнеевой только на совещаниях, а после особенно удачной защиты проекта привозил два стакана кофе и говорил, что один предназначен «человеку, который опять заставил инвесторов полюбить неудобный участок». Сейчас в его голосе нет ни дружеской теплоты, ни жалости. Он просто узнал бывшую коллегу, которой давно не видел.

— Я тоже. Хотя Марина вчера обещала, что ты прилетишь.

Роман чуть приподнимает брови: видимо, не ожидал, что я знаю о звонке. Он не спрашивает о семейном скандале. Возможно, ещё не слышал, а возможно, считает чужой развод плохой темой для холла.

— Ты к Илье?

— За документами. Семейными.

Ответа ему хватает. Роман кивает мужчинам, и они уходят в переговорную. Сам остаётся.

— У меня через десять минут технический комитет по «Речному кварталу». Помнишь свою первую схему?

Я помню. Ещё до Машиного рождения мы выиграли участок у реки благодаря концепции квартала с общей пешеходной осью. Потом проект заморозили, вернули в работу уже без меня. Последние годы Илья говорил о нём только языком банков, траншей и сроков.

— Почему спрашиваешь?

— Потому что текущая версия жрёт деньги быстрее, чем строится. Банк отказался выдавать следующий транш без объяснения перерасхода. Марина говорит, изменения копились поэтапно. Илья говорит, рынок подорожал.

— А ты решил спросить женщину, которая семь лет не открывала рабочую программу?

Роман смотрит на меня без улыбки.

— Я решил спросить автора исходной идеи, почему от неё осталось название и несколько картинок. Если ты ничего не увидишь, потратим десять минут. Если увидишь, мне будет плевать, сколько лет ты не открывала программу.

Двери лифта открываются. Выходит сам Илья и останавливается, увидев нас рядом.

— Настя пришла по личному вопросу, — произносит он, подходя. — Не задерживай её.

— Я сам решу, кого задерживать, — спокойно отвечает Роман. — И она тоже.

Илья переводит взгляд на меня.

— Документы у секретаря. Забери и поезжай к адвокату, раз уж решила торопиться.

Он уже знает о звонке. Вероятно, секретарь доложила раньше, чем успела напечатать копии.

— Документы заберу после совещания, — решаю я.

Илья загораживает дверь переговорной плечом.

— Какого ещё совещания? Настя, ты пришла за выписками. Получи и езжай.

— Ты возражаешь потому, что я семь лет дома, или потому, что я помню этот проект до ваших улучшений?

У сидящих за столом людей появляется одинаково занятый вид. Кто-то открывает ноутбук, кто-то слишком долго ищет ручку. Роман ждёт, пока Илья сам отойдёт от двери, и проходит внутрь первым.

— Десять минут, — говорит он мне. — Дальше решим, есть ли смысл продолжать.

На экране уже открыт план квартала. Громов передаёт мне две папки; у старой разошёлся пластиковый корешок. На титульном листе читаю своё имя и должность — ведущий архитектор концепции. Буквы выглядят знакомо, сама должность почему-то нет.

Я сажусь с краю и начинаю листать. Нахожу свою пешеходную ось, затем теряю её под новыми коммерческими площадями. Парковка раньше заканчивалась под вторым корпусом. В нынешнем плане подземный контур ползёт дальше, к двум следующим башням и к реке. На одной странице карандашом написано «продажи просят ещё 86 м/м», на другой — «инже-

нерный блок перенести». Даты между записями разные. Проект переделывали понемногу, и никто уже не видел его целиком.

— Кто объединил этапы? — спрашиваю я.

Технический директор, седой мужчина по фамилии Громов, листает протоколы.

— Решение принимали постепенно. Сначала добавили коммерческие площади, потом парковочные места, затем перенесли инженерный блок. По отдельности всё проходило согласование.

Илья откидывается на спинку кресла.

— Настя, здесь работали специалисты. Цены на материалы выросли на треть.

— Я не считаю смету. Я смотрю, что вы заставили строителей делать в земле.

Роман просит вывести на экран обе схемы рядом. Я подхожу ближе, беру маркер и отмечаю места, где изменённый подземный контур пересекает каждый последующий этап. Один корпус нельзя сдать, не закончив общую защиту и часть коммуникаций для остальных.

— Вы потеряли независимость очередей, — говорю я. — Теперь задержка одного блока тянет три других. А здесь фасад разбит на десятки уникальных секций, хотя в исходной версии повторялись модули.

Громов подходит к экрану. Он не соглашается со мной из вежливости: задаёт вопросы о высотах, просит открыть пояснительную записку, несколько раз поправляет номер редакции. Я честно признаю, что актуальные нормы по парковкам нужно проверить. Но причинность на схеме от этого не меняется.

Через сорок минут технический директор снимает очки и смотрит на Романа.

— Нужен расчёт. Предварительно Корнеева права: существенная часть перерасхода появилась из-за изменений последних лет.

Глава 7. Друг Ильи

Илья первым закрывает лежащую перед ним папку.

— «Предварительно» здесь главное слово. Настя увидела старую идею и решила, что всё новое сделано плохо.

Громов возвращает очки на переносицу.

— Я сказал другое. Нужно поднять расчёты по подземной части, график очередей и сравнить стоимость фасадных решений. На это уйдёт минимум два дня.

— И делать это должны специалисты, — добавляю я. После сорока минут над схемами затекла шея, а во рту остался вкус холодного кофе, который кто-то поставил рядом. — Я не готова подписываться под актуальными расчётами. Я вижу, где сломалась исходная логика. Цифры пусть проверит команда.

Роман кивает Громову:

— Собирайте людей. Сегодня к вечеру хочу перечень изменений, завтра — первый расчёт.

Илья барабанит пальцами по закрытой папке.

— У людей стройка идёт. Ты предлагаешь остановить всё ради версии человека, который увидел проект час назад?

— Я пока ничего не останавливаю, — отвечает Роман. — И не собираюсь дальше принимать твои слова о подорожавшем бетоне вместо разбора.

Муж резко поворачивается ко мне.

— Получила, что хотела? Теперь наш развод обсуждают на техническом комитете.

За столом становится тихо. Я чувствую, как сотрудники стараются смотреть в экраны. Громов медленно складывает листы; чужая семейная сцена явно не входила в его рабочий день.

— Развод не нарисовал этот подземный контур, — говорю я. — И не он убрал повторяемые фасадные модули.

Роман не позволяет разговору уйти дальше.

— Личные вопросы — за дверью. Громов, кто готовил последние изменения и считал их влияние на график?

Технический директор называет две фамилии, затем объясняет, что часть решений пришла от генерального подрядчика уже после начала работ. Я узнаю название компании — «Дронов Строй». Сергей Дронов приезжал к нам на дачу, дарил Лизе огромного плюшевого медведя и каждый раз называл Илью братом.

— Дронов ведёт весь спорный блок? — спрашиваю я.

Илья отвечает раньше Громова:

— Он выиграл конкурс. Не потому, что мы дружим. Его компания гарантировала сроки, от которых остальные отказались.

— Кто был вторым по цене? — спрашивает Роман.

Марина находит сводную таблицу закупки. Второй участник просил больше времени и меньший аванс. Илья напоминает, что задержка запуска продаж стоила бы дороже разницы в предложениях. В тот момент выбор Дронова действительно мог выглядеть разумным.

— Я не собираюсь переигрывать конкурс задним числом, — говорит Роман. — Хочу понять, почему обещанная цена перестала быть ценой.

Илья потирает переносицу.

— Потому что проект менялся после конкурса. Продажи просили площади, город — ещё один выезд, инженеры — перенос узла. Все улучшали свою часть.

— А кто отвечал за целое? — спрашиваю я.

Он смотрит на меня с усталой злостью.

— Я. Можешь не торопиться произносить это вместо меня.

— И укладывается?

— Пока да.

Громов кашляет и переворачивает лист календарного графика.

— По основным вехам. Есть отставание на шесть недель по подземной части, но Дронов обещает нагнать на следующих этапах.

Роман смотрит на Илью.

— В отчёте совету было две недели.

— Потому что четыре недели подрядчик закрывает дополнительными сменами, — объясняет муж. — Мы не обязаны показывать рабочее отставание как окончательное.

Я слушаю и вспоминаю, сколько раз Илья дома переносил сроки: вернусь к ужину, освобожусь после сдачи, через месяц всё станет легче. Он искренне верил в каждую новую дату, пока не наступала следующая.

Громов выводит на экран график. Я подхожу ближе, но не притрагиваюсь к маркеру. Здесь уже нужны не мои воспоминания, а исполнительная документация.

— Если подземная часть связала четыре корпуса, отставание нельзя просто нагнать наверху, — замечаю я. — Но пусть это подтвердят строители. У вас есть независимый технадзор?

— Есть, — отвечает Громов. — Его отчёты запрошу отдельно.

Он открывает ведомость работ и увеличивает строки с датами. В нескольких местах выполнение отмечено раньше, чем появились фотографии приёмки.

— Это может быть задержка загрузки документов, — предупреждает Громов, заметив, куда я смотрю. — Выводы о приписках сейчас делать нельзя.

— Я их не делаю. Хочу понять, на чём держится обещание нагнать четыре недели.

Илья отзывается с места:

— На людях и технике. Дронов вывел вторую смену и добавил два буровых комплекса. Я был на площадке в четверг.

— Куда их поставили?

Громов находит схему организации работ. Дополнительная техника стоит у первого корпуса, а отставание уже переходит на общий контур.

— Первую захватку они закончат быстрее, — говорю я. — Узкое место останется на связи со следующей очередью.

Технический директор проводит линию курсором.

— Проверим по недельному графику. Место риска вы указали верно.

Илья отбрасывает ручку. Та стукается о стакан и падает на стол.

— За час у нас уже риск, узкое место и почти виноватый подрядчик. Сергей хотя бы строит, пока мы здесь линии рисуем.

Я сажусь обратно. По одной схеме обвинять подрядчика было бы самоуверенно, и муж это знает.

— Поэтому я прошу документы. Если Дронов прав, они это подтвердят.

Илья отодвигает кресло.

— Сергей каждый день на площадке. Он отвечает своими деньгами за сроки.

— Чьими? — Роман открывает финансовую таблицу. — Марина, покажите платежи по подрядчику.

Финансовый директор сидит у дальнего края стола. Я видела её пару раз на общих праздниках компании: аккуратное каре, спокойный голос, привычка перепроверять сумму даже на счёте из ресторана. Сейчас она подключает ноутбук к экрану и предупреждает, что без разбивки по видам работ цифры мало что дадут.

— Дайте то, что есть, — просит Роман.

Марина открывает реестр. Возле названия подрядчика тянется длинный список договоров и дополнений. Часть сумм выделена жёлтым, у нескольких платежей стоит пометка о срочном согласовании генеральным директором.

Илья наклоняется к ней.

— Почему последняя версия реестра не у меня?

— У вас она с пятницы. Я отправляла в семь сорок две, — отвечает Марина и не отводит взгляд. — Здесь тот же файл.

Роман просит открыть основания для увеличения стоимости. В пояснениях повторяются грунтовые воды, изменение последовательности работ, дополнительные материалы и ночные смены. Всё похоже на последствия правок, которые мы только что обсуждали.

— Они возникли не по вине Дронова, — настаивает Илья. — Подрядчик вошёл в уже изменённый проект и вытягивает сроки. Если сейчас начать искать виноватого среди тех, кто реально строит, площадка встанет.

Громов поднимает глаза от таблицы.

— Сергей участвовал в согласовании как минимум трёх изменений. Его специалисты предлагали расширить захватку, чтобы не возвращать технику потом.

— Потому что это было дешевле на тот момент.

— На тот момент, — повторяет Роман. — А потом?

Илья встаёт и подходит к окну. Внизу рабочие разгружают макет для отдела продаж; через стекло люди выглядят маленькими и бесшумными.

— Потом выросли цены и появились требования банка. Роман, ты четыре года управлял регионом и видел московские проекты по сводным таблицам. Легко вернуться и объявить, что все решения ошибочные.

Ланской не повышает голос.

— Я объявил только одно: таблицы перестали сходиться, а банк отказал в транше. Поэтому я здесь.

Громов просит у Марины выгрузку договоров. Она отправляет файл и тихо добавляет:

— Для полного сравнения нужны все дополнительные соглашения.

— Сколько их? — спрашиваю я.

Марина считает строки на экране, затем разворачивает ноутбук к Роману.

— По спорному блоку основной договор и семь дополнений. Компания Сергея Дронова уже несколько раз получила увеличение цены.

Глава 8. Мои деньги

— Несколько — это семь? — Роман наклоняется к экрану Марины.

— Семь документов, четыре из них увеличивают общую стоимость. Остальные меняют сроки и порядок оплаты, — уточняет она. — Я подготовлю разбивку к вечеру.

Илья возвращается к столу.

— Подготовь. И приложи рост цен по рынку, чтобы здесь не решили, будто Дронов каждую неделю приходил за подарком.

Марина только кивает. Роман распределяет задачи: Громов поднимает технические расчёты, финансовая служба сверяет допсоглашения, независимый надзор даёт отчёты с площадки. Мне он предлагает оставить номер, если у команды появятся вопросы по исходной концепции.

— Это была разовая консультация, — вмешивается Илья. — У Насти свои дела.

— Я сама отвечу, когда меня спросят, — говорю я и записываю номер на листе Громова.

Совещание заканчивается только после полудня. В коридоре секретарь Ильи протягивает мне тонкую папку: копия свидетельства на нижнюю квартиру, несколько банковских договоров и старый список счетов. Выписок за последние годы нет.

— Где остальное?

— Илья Андреевич сказал, что семейные финансы обсуждаются с ним, — отвечает она и поправляет стопку бумаг на руках. — Я передала всё, что он разрешил.

Муж выходит из переговорной вместе с Романом. Я поднимаю папку.

— Это всё, что ты считаешь семейным?

— Дома поговорим. У меня через пять минут банк.

— В каком именно доме? — вырывается у меня. — В верхней квартире или в той, которая юридически твоя?

Илья оглядывается на сотрудников, выходящих из переговорной.

— Поэтому я и не хотел, чтобы ты приходила сюда сейчас. Ты злишься и смешиваешь всё подряд.

— Всё уже смешано. Ты проводил рабочие звонки у Валерии, семейные документы я вижу только по твоему разрешению, а вчера ты просил придержать развод ради банка.

Он забирает папку, просматривает первые листы и возвращает мне.

— Здесь достаточно для первой встречи. Остальное соберём без показательных сцен.

— Дома ты теперь живёшь у другой женщины. Поэтому я поговорю с адвокатом.

Секретарь делает вид, что срочно понадобилась папка на соседнем столе. Илья берёт меня за локоть и отводит к окну, но сразу отпускает, когда я смотрю на его руку.

— Не превращай офис в площадку для мести, — просит он. — Получишь полный перечень, когда мы сядем без зрителей.

— Я просила копии документов, а зрителей привёл ты. Передай секретарю, чтобы ничего больше не отбирала по твоему разрешению.

Роман проходит мимо нас, не останавливаясь. Благодарит за консультацию и уходит к лифтам. Он не предлагает юристов, машину или помощь. Странным образом именно это позволяет мне выдохнуть: хотя бы один мужчина сегодня не пытается решить, что мне нужно.

Адвокат Алексей Савельев принимает меня в небольшом кабинете вечером. На подоконнике сохнут два забытых стаканчика кофе, в приёмной звонит телефон, а сам Савельев читает бумаги молча и медленно. Ему около пятидесяти, рукава рубашки закатаны, на столе нет ни одной фотографии.

— Что ещё есть? — спрашивает он, закончив список счетов.

— Финансами всегда занимался Илья.

Савельев кладёт ручку.

— Эту фразу больше не говорите. Ни мне, ни мужу, ни особенно в суде. Она удобная только для него.

Я сжимаю тонкую папку.

— Я не была беспомощной. У меня был доступ к счетам, просто я не проверяла каждую операцию.

— Вот и проверите. Банковские приложения, почта, налоговый кабинет, договоры. Нам нужна картина, а не ваша уверенность, что Корнеев поступал определённым образом.

Савельев просит открыть приложение прямо при нём. Я ввожу пароль со второй попытки: цифры связаны с датами рождения девочек, и сегодня это особенно неприятно. На главном экране видны бытовая карта, накопительный счёт и старый брокерский раздел.

— Совместный доступ у мужа есть?

— К карте. Инвестиционный раздел виден в нашем общем кабинете. Брокерский договор оформляли на Илью, а у меня был доступ как у доверенного лица.

Адвокат пододвигает мне блокнот.

— Записывайте всё, что вспоминаете, и ставьте рядом вопросительный знак. Потом заменим память документом. Крупные покупки за три года?

Я называю машину Ильи, обучение Лизы, ремонт дачи у свекрови. Про целую квартиру сказать нечего. Кто-то купил жильё над моей головой, а я даже не заметила в нашей жизни дыры размером в несколько десятков миллионов.

— Сорок шесть процентов компании оформлены на мужа, — вспоминаю я.

— Закажем сведения и устав. Без даты приобретения и ограничений считать пока рано. Сейчас ничего не подписывайте, не удаляйте переписку и не соглашайтесь на устные обещания.

Он перечисляет запросы, которые сделает сам, и отмечает, что квартира приобретена Ильёй до брака. Это ещё не означает, что я завтра окажусь на улице, но рассчитывать на половину самого объекта нельзя. Вложения в ремонт и общие расходы придётся доказывать отдельно.

— Илья сказал, что девочек не тронет.

Савельев не усмехается и не спорит.

— Хорошо, если так. Договорённости о жилье детей всё равно оформляют. Особенно когда отношения супругов меняются за один день.

— А квартира сверху? — спрашивает Савельев. — Вы знаете собственника?

— Валерия. Наверное. Илья сказал, что они живут там два с половиной года.

— «Наверное» оставим за дверью. Закажем выписку.

Домой я возвращаюсь после десяти. Девочки поужинали с няней, Илья написал Маше и прислал фотографию её браслета на своей руке. Наверху тихо. Я раскладываю на кухонном столе ноутбук, телефон, старый список счетов и открываю банковское приложение.

Лиза выходит за водой и останавливается у стола.

— Ты ищешь, куда мы переедем?

— Я ищу наши документы.

Она крутит пустой стакан и не уходит. Я не обещаю, что всё останется как раньше: после отцовских командировок любые удобные обещания звучат плохо.

— Завтра контрольная, — напоминаю я. — Иди спать. Если решится что-то про дом, вы узнаете первыми.

— Папа тоже так говорит. «Если что-то решится».

— Тогда скажу иначе: я ничего за твоей спиной не подпишу.

Лиза наливает воду, обнимает меня одним плечом и уходит в комнату.

Семейный инвестиционный счёт закрыт два года и семь месяцев назад. Я помню этот портфель: мы собирали его с первых крупных дивидендов, откладывали на образование дево-

чек и «что-нибудь большое потом». Илья однажды сказал, что перевёл активы в более выгодный инструмент. Я кивнула, потому что в тот день Маша лежала с температурой.

В архиве сохраняется продажа бумаг и вывод сорока трёх миллионов восьмисот тысяч рублей. Следующей строкой — перевод Тамаре Сергеевне Корнеевой. Назначение: «по договору займа».

Я нахожу письмо брокера с подтверждением операции. Его переслали на адрес Ильи, а мне в тот день пришли только школьная рассылка и результаты Машиных анализов. В календаре стоят приём у аллерголога и собрание у Лизы. Возможно, вечером муж сказал что-то про портфель, а я ответила из ванной или кухни, даже не попросив повторить.

Я открываю календарь. Дата перевода почти совпадает с месяцем, когда Валерия, по её словам, переехала наверх. Разница — девять дней.

Звоню Илье. Он сбрасывает первый вызов, на второй отвечает шёпотом:

— Миша спит. Что случилось?

— Зачем ты перевёл моей свекрови почти сорок четыре миллиона?

На другом конце становится тихо. Потом Илья выходит куда-то, прикрывает дверь; я слышу эхо лестничной площадки.

— Не по телефону, Настя.

— Деньги ушли за девять дней до переезда Валерии. Это покупка квартиры?

— Я сказал, поговорим завтра.

— Тогда я закажу выписку сама.

Он произносит моё имя резко, но я уже отключаюсь. Через двадцать минут Савельев пересылает электронный документ из Росреестра. Я открываю его на кухне, несколько раз увеличиваю строчку с правообладателем.

Собственник квартиры этажом выше — Тамара Сергеевна Корнеева. Мать Ильи.

Глава 9. Сколько стоит пять лет

В выписке указана дата регистрации права. Через одиннадцать дней после перевода сорока трёх миллионов восьмисот тысяч Тамаре Сергеевне.

Я фотографирую обе строки рядом: банковскую операцию и сведения из Росреестра. Отправляю Савельеву, закрываю ноутбук и только тогда замечаю, что над потолком снова скрипит стул.

Илья спускается через пятнадцать минут. Видимо, понял, что разговор уже не получится перенести на завтра. Он входит своим ключом, однако останавливается в прихожей и снимает обувь так тихо, будто может не разбудить сам факт своего возвращения.

— Девочки спят? — спрашивает он.

— Да. Поэтому говори негромко и не пытайся отправить меня успокоиться.

Я оставляю свет только над кухонным столом. Илья садится напротив, смотрит на открытый документ и трет двумя пальцами висок.

— Это был заём маме.

— На квартиру для Валерии.

— Квартиру покупала мама. Юридически деньги не исчезли. Есть договор, график возврата, всё оформлено.

— Где договор?

— В офисе и у мамы. Завтра принесу копию.

— Она уже что-нибудь вернула?

Илья проводит пальцем по краю стола, собирая невидимую крошку.

— Первые годы там отсрочка. Потом платежи. Ставка небольшая.

— То есть пока ни рубля?

— Смысл не в ежемесячных переводах. У мамы есть квартира, которая стоит дороже суммы займа. Деньги обеспечены.

Получается удобный круг: свекровь должна семье деньги, вложенные в жильё для тайной семьи её сына. Квартиру можно назвать обеспечением, только я два с половиной года не знала ни о долге, ни о самом обеспечении.

Я открываю банковскую строку и поворачиваю к нему экран.

— Чьи это были деньги?

— Семейные.

Он отвечает без смущения. Именно это на секунду сбивает меня сильнее, чем попытка соврать.

— Ты продал наш портфель, перевёл сорок четыре миллиона своей матери и поселил в купленной квартире любовницу с ребёнком. Почему я узнала об этом из выписки?

Илья отодвигает ноутбук, чтобы между нами освободилось место.

— Мы собирались вложить портфель в недвижимость. Деньги не потрачены на рестораны или подарки. Мама должна их вернуть. Заём — такой же актив семьи.

— Семья даже не знала, что дала его.

— Я тоже семья, Настя.

Фразу он произносит с искренним раздражением. Для него в ней нет наглости. Он пятнадцать лет принимал решения от имени нас обоих, и со временем перестал замечать, где заканчивается доверие и начинается право распоряжаться мной.

— Ты один — семья, а я с дочерьми кто?

— Не переворачивай. — Илья наклоняется вперёд. — Если бы я попросил тебя купить квартиру для моего сына, ты бы согласилась?

— Нет.

— Вот именно. А Миша уже родился. Ему нужно было где-то жить. Лера снимала жильё, хозяева попросили освободить квартиру, а здесь срочно продавался подходящий вариант.

— Поэтому моё «нет» можно было заранее не слушать?

— Я знал, чем закончится разговор. Ты потребовала бы выбирать, а я не мог оставить ребёнка без нормальных условий.

— У него были условия. Вы снимали жильё.

— В другом конце города. Я видел его два раза в неделю, иногда реже. Он начал спрашивать, почему папа приходит только вечером и никогда не остаётся утром. — Илья осекается, будто не хотел рассказывать мне об этом. — Да, перед вами я виноват. Но перед ним тоже.

Я вспоминаю Мишу в лифте: серьёзного мальчика в жёлтой куртке, который однажды уступил Маше место возле кнопок. Пока я улыбалась соседскому ребёнку, его отец мог ждать этажом ниже или сидеть наверху за закрытой дверью.

— Этажом выше.

Он замолкает и смотрит на стол.

— Это было удобно.

Я едва не смеюсь, но за стеной спят девочки. Прижимаю ладонь ко рту, жду, пока пройдёт первая волна злости.

— Удобно кому?

— Всем. Я мог видеть детей, не тратить по три часа в пробках, машина оставалась по домашнему адресу. Если Миша заболевал, я был рядом. Если ты звонила, мог быстро спуститься.

Он перечисляет преимущества своей схемы тем же голосом, каким презентует проект инвестору. Паркинг, логистика, доступность. Только вместо корпусов — две женщины и трое детей.

— И квартиру оформили на твою мать, чтобы я не нашла её в списке твоего имущества?

Илья отвечает не сразу. Из спальни доносится Машин кашель, и мы оба оборачиваемся. Дочь не просыпается.

— Мне не нужна была лишняя связь с недвижимостью, — говорит он тише. — У компании уже шли кредитные переговоры. На маме объект был защищён.

— От меня.

— От любых проблем. Я тогда не собирался разводиться.

Это должно было прозвучать успокаивающе. Он пять лет изменял и одновременно хранил наш брак, как один из активов, который не планировал продавать.

— Тамара Сергеевна знает, кто живёт в её квартире?

Илья напрягается.

— Мама знает про Мишу.

Я жду, что он поправится. Скажет: узнала недавно, догадалась после покупки, нашла бумаги. Илья молчит.

— С рождения?

— Я сказал ей, когда понадобилась помощь с квартирой.

— Значит, два с половиной года.

— Да.

На семейных праздниках Тамара Сергеевна жалела, что редко видит внучек, привозила Маше платья и спрашивала, почему Лиза стала замкнутой. Потом уезжала, зная, что этажом выше живёт ещё один её внук. Я пока не знаю, приходила ли она к нему. Самого знания хватает.

— Она знает про Валерию?

— Знает, — отвечает он после паузы. — Я объяснил ей ситуацию.

— Как Валерии? Что мы давно чужие, я держу тебя детьми и знаю о вашем будущем разводе?

Он встаёт, идёт к чайнику и наливает воду в стакан. Пьёт прямо из-под крана, хотя всегда ворчал на меня за это.

— Я не говорил, что ты держишь меня детьми.

— Значит, только что-нибудь помягче.

— Я сказал, что мы живём вместе ради девочек и бизнеса. Тогда это уже было близко к правде.

— Для тебя. Мне ты забыл сообщить.

Илья ставит стакан в мойку и оборачивается.

— Я не горжусь тем, как всё устроил. Но я не украл эти деньги. Договор займа существует. Мама вернёт их, если понадобится.

— Из чего? У неё пенсия и дача. Эту квартиру тоже купили на наши деньги.

— Продаст объект, если потребуется. Но никто не собирался требовать возврат сейчас. Это долгосрочное вложение.

— Валерия знает, что квартира ей не принадлежит?

Илья отводит взгляд к окну.

— Знает, что собственник мама.

— А откуда взялись деньги?

— Нет. И не надо сейчас идти наверх с выписками. Лера к финансам отношения не имеет.

Он снова разводит вопросы по этажам и оставляет себе единственное место, откуда видна вся схема.

— Понадобилось два года назад. Мне. Чтобы знать, какой ценой оплачены твои удобные выходные наверху.

Он берёт пиджак со спинки стула. Разговор для него закончен: факты названы, схема законна, эмоции можно оставить мне.

— Завтра пришлю договор. Только не звони маме ночью.

— Больше не указывай, кому мне звонить.

В прихожей Илья задерживается возле комнат дочерей, но ни в одну не входит. Через минуту его шаги снова проходят над кухней.

Я открываю чат с Тамарой Сергеевной. Неделю назад она спрашивала размер Машиной формы и поставила три сердечка под фотографией внучки. Нажать на значок вызова легко. Я всё-таки закрываю чат: хочу увидеть бумаги раньше, чем свекровь услышит от сына, какие ответы мне сейчас удобнее дать.

Утром Савельев присылает короткое сообщение: «Нужны договор займа, продажа портфеля, источник денег. С оценками подождём». Следом приходит список выписок. Я заказываю их между Машиными тетрадями, остывшим чаем и звонком классной руководительницы Лизы.

Первой появляется недвижимость Ильи. Открываю файл из любопытства — нижнюю квартиру я и так знаю. Внизу страницы нахожу свежую запись, четырёхмесячной давности. Читаю название банка, номер договора и снова возвращаюсь к слову «ограничение».

Квартира заложена.

Глава 10. Дом в залоге

Я увеличиваю строку. Ипотека зарегистрирована четыре месяца назад. Всё лето мы жили здесь, покупали Маше новый стол и спорили, куда поставить тренажёр Лизы. Илья уже обещал эти стены банку.

Савельев отвечает со второго гудка и сразу просит прислать файл, а не читать ему отдельные строки. Пока документ загружается, я хожу от окна к кухне и обратно.

— Обременение ещё не означает, что завтра придут менять замки, — предупреждает он. — Сначала выясняем сумму, срок и условия нарушения. Вы у нотариуса что-нибудь подписывали?

— Нет. Квартира добрачная, он сказал, что она только его.

— Тогда согласие супруги на залог могло не требоваться. Документы всё равно запросим. С мужем разговаривайте при мне или записывайте факты письменно.

— Банк может просто забрать квартиру?

— Сначала должно возникнуть нарушение, потом требование погасить долг. Дальше зависит от договора. Не перескакивайте к выселению, пока мы не знаем срок. И не успокаивайте себя тем, что там живут дети: это важно, но залог само по себе не отменяет.

Он велит ничего не писать банку и ждать договор. Я замечаю в сушилке Машину кружку с облупившимся зайцем. Обычная кухня, которую четыре месяца оценивает ещё и чужой кредитор.

Ключ поворачивается почти сразу после звонка. Илья пришёл за Машиной формой: после школы везёт её на гимнастику. Под мышкой у него папка с обещанным договором займа Тамаре Сергеевне.

— Как обещал, — говорит он и кладёт бумаги на комод.

Я протягиваю ему выписку на квартиру.

— Теперь объясни это.

Илья смотрит на документ, затем проверяет время на часах.

— Не при Маше.

— Она в школе. До конца уроков сорок минут.

Он проходит на кухню, открывает холодильник и достаёт бутылку воды. Дома остались его привычки, хотя вещи уже наверху.

— Это мостовой кредит. Временное финансирование.

— Четыре месяца — временное?

— Изначально речь шла о шести-восьми неделях. Банк перенёс комитет, потом запросил новую модель. Такое бывает.

— Почему ты не сказал мне, когда ставил подпись?

Илья закручивает крышку бутылки и попадает в резьбу только со второй попытки.

— Потому что квартира моя, решение нужно было принять за два дня, а ты начала бы бояться раньше, чем возникла реальная причина.

— Теперь причина реальная?

— Теперь ты ищешь её во всём.

— Под залог дома дочерей.

— Под залог моей квартиры, Настя. И прежде чем ты снова начнёшь: деньги не ушли Валерии, маме или ещё куда-то. Они в компании.

Я сажусь за стол, чтобы записать. Илью это раздражает.

— Что ты делаешь?

— То, что посоветовал адвокат. Сумма, дата, банк, срок.

— Я пришлю договор.

— В прошлый раз ты прислал только после выписки. Говори сейчас.

Он медлит, потом называет сумму. Я записываю цифры, и почерк становится мельче к концу строки. Кредит взят лично Ильёй. Обеспечение — нижняя квартира. Деньги он внёс в «Вертикаль Девелопмент» как заём акционера.

Сто двадцать миллионов. Процент растёт, если основной долг не закрыть к сроку. В договоре с компанией возврат привязан к поступлению нового финансирования, однако точной даты Илья не называет.

— Ты взял кредит на себя, а компании дал возможность вернуть, когда она получит деньги?

— Это обычный заём акционера, — отвечает Илья. — Я не отдал деньги посторонним.

— Банк посторонний? Он почему-то указал точный день возврата.

Илья забирает ручку и подчёркивает сто двадцать миллионов. Черта получается кривой; он проводит вторую поверх первой.

— Компания получит транш и вернёт сумму. Я закрою кредит.

— Когда?

— После рефинансирования.

— В договоре компании есть эта дата?

Он листает папку, находит нужный пункт и начинает читать молча. Я вижу момент, когда он доходит до слов об учёте текущей ликвидности.

— Срок привязан к поступлению финансирования, — говорит Илья. — Формулировка стандартная.

— У личного банка формулировка совсем другая.

Я забираю ручку и рядом с суммой пишу дату платежа. Теперь на листе две строки, которые Илья не может совместить одним подчёркиванием.

— Зачем компании понадобились твои деньги, если у неё уже было банковское финансирование?

— Следующий транш задержали. Нужно было оплачивать работы и не показывать Роману кассовый разрыв раньше времени.

Он замолкает, поняв, что сказал больше, чем собирался.

— Ты вложил личный кредит, чтобы совладелец не увидел настоящие цифры?

— Чтобы проект не остановился из-за временной дыры. Если бы мы показали худший сценарий в тот момент, Роман начал бы блокировать решения, Берестов запаниковал, банк пересмотрел бы условия. Нам требовалось дойти до рефинансирования.

— А после него?

Илья берёт мой блокнот и проводит стрелки, хотя я не просила. Банк выдаёт транш компании. «Вертикаль» возвращает заём акционера. Илья закрывает личный кредит. Обременение снимают.

— План работал, — говорит он, постукивая ручкой по последней стрелке. — Перерасход оказался больше, банк запросил дополнительные объяснения. Поэтому всё сдвинулось.

— Компания обязана вернуть тебе деньги сразу после транша?

— Мы так планировали.

— Я спросила про обязанность.

Илья стирает ладонью одну стрелку, размазывая пасту.

— Формулировка позволяет совету учесть положение проекта. Если деньги понадобятся на обязательные платежи, возврат можно перенести.

— То есть даже рефинансирование ещё не гарантирует, что дом освободят от залога.

— Не вырывай одну фразу. Я контролирую компанию.

Пока. Он не добавляет этого слова, но после возвращения Романа оно уже находится в комнате вместе с нами.

— И потому Роман прилетел.

— Да.

— Почему ты не заложил верхнюю квартиру?

Илья бросает ручку на стол.

— Потому что она не моя. Пришлось бы втягивать маму, объяснять структуру банку, говорить Лере, что единственное жильё Миши тоже под риском. Нижняя дороже, принадлежит мне, банк принял её быстро.

— Ты решил рисковать домом дочерей, чтобы сохранить дом сына.

— Я решил, что если случится худшее, куплю девочкам другую квартиру. Мише я кроме той ничего не дал.

Его отцовская вина перед мальчиком снова оплачена теми, кто даже не знал о сделке.

— Что будет, если рефинансирования не случится?

— Случится.

— А если нет?

Илья закрывает папку слишком резко.

— У банка есть залог. Но до этого не дойдёт.

— Потому что ты так решил?

Он встаёт.

— Потому что я пятнадцать лет управляю этой компанией и знаю, что делаю.

Телефон напоминает о Машиной гимнастике. Илья забирает форму и уходит. На столе остаются нарисованные им стрелки: банк — компания — акционер — банк. Дом в эту схему он не вписал.

Я отправляю фотографию блокнота Савельеву, затем звоню Марине. Она отвечает только с третьего раза.

— Анастасия, если это личный вопрос, мне неудобно…

— Илья внёс в компанию деньги от кредита под залог квартиры. Это правда?

Марина замолкает. В трубке слышны голоса и звук принтера; она, вероятно, в офисе.

— Факт займа акционера отражён в учёте. Да.

— Срок возврата в учёте тоже отражён?

— Есть договор, — осторожно отвечает Марина. — Вы не сторона и не член совета. Я не имею права пересылать его вам.

— Тогда хотя бы скажите: наступление нового транша автоматически означает возврат Илье?

Марина долго молчит. Я слышу, как рядом кто-то просит у неё подпись, листы перекладывают с места на место.

— Автоматически — нет, — произносит Марина. — Даже после транша сначала оплачиваются обязательные работы. Потом совет смотрит, сколько денег можно вывести.

— Илья мог знать, что ему не вернут всё вовремя?

В кабинет к ней кто-то входит. Марина просит подождать, отодвигает трубку, но я слышу: «Положите на подпись, я подойду». Когда она возвращается, голос у неё уже жёстче.

— Я показывала генеральному три варианта. В одном заём возвращался позже его первоначального плана. Этого достаточно?

— Нет. Он заложил квартиру, где живут дети.

— Об этом я не знала. — Марина отвечает сразу. — Для компании источник его личных денег не раскрывался. Мы получили заём акционера. Какое имущество он предоставил своему банку, в бухгалтерии «Вертикали» нет.

Она обещает ответить только на официальный запрос и отключается. Я успеваю записать на полях: «три варианта» и «один — позже». Илья выбрал кредит, хотя его собственный финансовый директор показывала сценарий задержки.

До вечера Савельев молчит. Потом присылает фотографию страницы договора: график, сумма и выделенная красным дата. Я перезваниваю, пока он ещё в кабинете.

— Если рефинансирования не будет, когда банк сможет потребовать деньги?

Адвокат листает договор; бумага шуршит прямо возле микрофона.

— У Корнеева остаётся меньше пяти недель до критического срока по личному кредиту.

Глава 11. Анастасия Корнеева, архитектор

Пять недель. Я записываю срок рядом с двумя другими датами и закрываю блокнот. На листе уже достаточно цифр, чтобы понять: Илья не преувеличивал опасность рефинансирования. Он преуменьшал её.

Утром следующего дня звонит Громов.

— Мы закончили первый расчёт по подземной части, — говорит он без приветственных речей. — Ваше замечание подтвердилось. Не полностью, но достаточно, чтобы пересмотреть график. Можете приехать к двум?

— Зачем я вам? Вы уже всё проверили.

— Роман Викторович хочет обсудить исходную схему. И у Белова есть вопросы по фасадам.

Белова я не знаю. Громов объясняет: Наталья Белова — нынешний главный архитектор проекта. Я записываю фамилию, договариваюсь с няней и полчаса стою перед шкафом, пытаясь выбрать одежду для первого рабочего разговора за семь лет. В итоге надеваю обычные тёмные брюки и рубашку. Пиджак сидит теснее, чем раньше, и остаётся на вешалке.

В переговорной меня ждёт женщина с короткой стрижкой и карандашом за ухом. Она представляется Натальей Беловой, нынешним главным архитектором, и сразу двигает ко мне фасадную ведомость.

— Покажите, что вы называли повторяемыми модулями. Только на старой схеме, пожалуйста. В новой половина квартир уже обещана покупателям.

Я нахожу лист. Белова не даёт мне договорить про третий корпус и напоминает о новых требованиях по пожарным отсечкам. Потом ещё раз останавливает на расчёте инсоляции.

— Семь лет назад здесь считали иначе, — говорю я, перелистывая приложение.

— Именно. Поэтому планировки трогать не будем. Посмотрим элементы, которые можно унифицировать без изменений внутри квартир.

Мы раскладываем ведомости на полу: стол занят расчётами Громова. Через двадцать минут у нас остаются четыре группы фасадов вместо одиннадцати. Белова зачёркивает две из них и объясняет почему; одну я возвращаю после проверки сетки колонн.

Роман входит, когда мы спорим над последней. Он не вмешивается, пока Наталья не заканчивает, потом читает её пометки и расчёт Громова.

— Я хочу оформить тебе экспертный контракт на месяц, — говорит он мне. — С оплатой.

— За сегодняшние три ошибки?

Белова усмехается и пересчитывает пометки карандашом.

— Ошибок две. Третий раз я вас предупредила раньше, чем вы успели ошибиться.

Мне смешно, но предложение от этого не становится менее странным.

— Роман, я семь лет не вела проект.

— Поэтому технические решения остаются у Беловой и Громова. Мне от тебя нужна исходная логика и участие в разборе изменений. Ты ничего не подписываешь вместо действующих специалистов.

— Илья решит, что ты нанял его жену в разгар развода.

— Он уже сказал. Я попросил принести профессиональное возражение к техническому заключению. Пока не принёс.

Роман не убеждает меня, что я по-прежнему лучшая. Не обещает вернуть карьеру и даже не спрашивает, нужна ли мне помощь. Кладёт передо мной проект договора с почасовой оплатой, перечнем задач и подчинением техническому комитету.

— Я не предлагаю должность главного архитектора. Нужен человек, который помнит, зачем квартал был устроен именно так. Согласишься — работаешь. Нет — Громов и Белова справятся дольше.

Я читаю договор. Ставка ниже, чем у Беловой, и это почему-то окончательно убеждает: Роман не делает мне подарок. У меня просят конкретную работу и собираются платить за неё соразмерно роли.

— Мне нужен доступ ко всем редакциям и протоколам изменений.

— Получишь в пределах проекта.

— Я не участвую в корпоративной войне и не доказываю, что Илья плохой генеральный. Если его решение разумное, я так и пишу.

Роман протягивает ручку.

— Именно за это и плачу.

— И график до четырёх, — добавляю я. — У меня младшая в школе, старшая не обязана становиться няней из-за моего контракта.

— Часы укажем. Если понадобится вечер, решаешь отдельно. — Роман забирает у юриста второй экземпляр. — Доступ только к «Речному кварталу». Никаких финансовых папок, совета и переписки Ильи за пределами проекта.

Ограничение звучит правильно. Я не хочу получать преимущество в разводе через его компанию. Прошу внести пункт прямо в договор, а не оставлять устной договорённостью. Юрист меняет страницу, распечатывает заново. Роман ждёт, не поглядывая на часы.

Я подписываю договор своим именем. Рука не дрожит, зато после подписи я долго смотрю на строку «эксперт по архитектурной концепции». В последний раз в рабочем документе моя фамилия стояла рядом с Ильиной.

Следующие три дня проходят между офисом, школой и квартирой. Я отвожу Машу, приезжаю к десяти, работаю до четырёх и возвращаюсь раньше дочерей. В первый день не могу найти нужную команду в программе и прошу Наталью помочь. Во второй ошибаюсь в номере действующей редакции свода правил. Белова исправляет, я перечёркиваю половину заметок и начинаю заново.

В обед первого дня я звоню Маше по привычке и вспоминаю, что она на уроке. Во второй забываю подписать заявление на экскурсию; Лиза фотографирует бланк и пишет: «Я напомнила классной». Мне неловко принимать помощь дочери, но ещё хуже было бы сделать вид, будто я по-прежнему всё успеваю одна. Вечером мы втроём составляем расписание на холодильнике и отмечаем, когда нужна няня.

Зато исходные ограничения участка помню без папки. Под рекой высокий уровень воды, со стороны набережной нельзя поднять въезд, а инженерный блок когда-то специально вынесли к дороге. Его позднее загнали под землю, чтобы освободить место под коммерцию. Именно этот перенос заставил расширить подземный контур к третьей очереди.

— Если вернуть инженерный корпус сюда? — Я показываю Наталье старую площадку возле сервисного въезда.

— Продажи убьют нас. Там обещан отдельный павильон с кафе.

— Павильон ещё не продан. А инженерный корпус можно сделать частью его объёма: первый этаж — сервис, выше — вентиляционные камеры. Подземное продолжение тогда не нужно.

Белова несколько секунд смотрит на схему, затем зовёт Громова. Он сразу находит проблему с высотой и шумом. Мы двигаем корпус, добавляем экран, проверяем расстояния до жилых окон. Первая версия не проходит. Вторая съедает слишком много проезда. Только третья помещается, но требует менять согласованный фасад павильона.

— Это всё равно дешевле работы в воде, — говорит Громов. — Вопрос — насколько.

Финансисты забирают схему. Белова пересчитывает элементы двух корпусов, конструкторы проверяют, можно ли закончить подземный контур в предложенном месте. В четыре я звоню Лизе и прошу забрать Машу из продлёнки. Дочь вздыхает, но отвечает: «Ладно, только ты тоже не забудь прийти домой».

К семи на столе появляется коробка пиццы. Громов ставит её прямо на старый генплан, и Белова ругается, пока мы ищем свободное место. Марина приходит последней, с тремя распечатанными таблицами.

— Пока разброс от ста сорока восьми до ста шестидесяти двух миллионов, — говорит она и забирает кусок с грибами. — Нижняя граница уже с шумозащитой и переделкой павильона. Согласования ещё могут съесть часть экономии.

— То есть в отчёт ставим диапазон, — решает Громов. — Никакой красивой одной цифры.

Я нахожу в таблице сто двадцать миллионов — сумму личного кредита Ильи — и обвожу её ногтем на полях. Марина замечает движение.

— Это размер займа акционера, — говорит она.

— И залога на квартиру, — отвечаю я прежде, чем успеваю остановиться.

Громов откладывает пиццу. Смотрит сначала на меня, потом на расчёт.

— Получается, если вариант выдержит проверку, квартиру вообще не требовалось закладывать ради такого объёма денег.

Глава 12. Не лезь в компанию

— Не говорите ему про квартиру, — прошу я.

Громов хмурится.

— Заключение увидят генеральный директор и совет. Цифры я прятать не буду.

— Цифры и не надо. — Я закрываю маркер и убираю со стола свою тарелку. — Просто не связывайте в отчёте экономию с нашим жильём. Я сама зря это сказала.

Марина складывает распечатки в папку.

— Заём в отчёте всё равно будет, — предупреждает она. — Сравнение кто-нибудь сделает.

— Пусть делает. Но уже не от имени технического комитета.

На следующий день рабочая группа проверяет схему. Экономия уменьшается после резервов, однако всё равно превышает сто двадцать миллионов. Громов отправляет заключение членам совета, Белова — перечень изменений по фасадам. В копии стоит Илья.

Он звонит через три минуты.

— Выйди в коридор.

— Я на совещании.

— Настя, выйди. Сейчас.

Я прошу у команды пять минут и закрываю за собой стеклянную дверь. Илья ждёт возле лифтов. Галстук ослаблен, телефон с открытым письмом он держит в руке.

— Что ты здесь делаешь четвёртый день?

— Работаю. У меня контракт.

— Кто дал тебе право лезть в проект?

Я показываю на переговорную. Через стекло видны Громов, Белова, конструкторы. Никто не выглядит человеком, которому я приказала принять решение.

— Технический комитет. Роман подписал договор. Все расчёты проверяет команда.

— Роман использует тебя против меня, а ты радуешься, что снова подписала бумажку словом «архитектор».

Удар приходится точно. Илья помнит, как я скучала по работе в первые годы после рождения Маши, как открывала старые проекты ночью и закрывала, услышав детский плач.

— Не говори со мной так.

Он замечает, что несколько сотрудников возле принтера прислушиваются, и понижает голос.

— Хорошо. Давай без эмоций. У тебя конфликт интересов. Ты разводишься с генеральным директором и работаешь на его корпоративного противника. Любой вывод можно оспорить.

— Тогда оспаривай расчёты. Их делала не я одна.

— Ты принесла исходную схему и толкнула команду в нужную Роману сторону.

— Я предложила вариант. Первая и вторая версии не прошли. Третью проверили Громов, Белова, конструкторы и финансисты. Ты читал заключение или только фамилию в рассылке?

Илья проводит пальцем по экрану, закрывает письмо.

— Уходи из проекта.

— Нет.

Он не ожидал короткого ответа. Привык, что после запрета я начинаю объяснять, почему мне важно, и мы незаметно переходим к обсуждению его условий.

— Я не разрешаю тебе работать в «Вертикали» во время раздела имущества.

— Твоё разрешение не указано в моём договоре.

Двери лифта открываются. Роман выходит с Павлом Берестовым, невысоким полным мужчиной в дорогом сером костюме. Они замечают нас. Илья мгновенно возвращает деловое выражение лица.

— У нас вопрос конфликта интересов, — говорит он Роману. — Жена генерального директора не может участвовать в подготовке решений против него.

— Решение по затратам готовил технический комитет, — отвечает Ланской. — Если найдёшь ошибку, принеси. Семейный статус эксперта не делает бетон дешевле.

Берестов переводит взгляд с него на меня.

— А у нас теперь развод будет кадровую политику определять?

— Нет, — говорю я. — Поэтому обсуждайте мою работу по результату. Если он слабый, расторгните контракт.

— А результат уже есть? — спрашивает Берестов.

Я открываю на телефоне сводную таблицу, не передавая устройство ему: финансовые материалы за пределы рабочей группы выносить нельзя.

— Есть проверяемая схема. Она сокращает будущие расходы, не затрагивая уже выполненные работы. Расчёт готовил комитет, не я.

— И сколько сэкономили на бумаге?

— Предварительно больше суммы мостового кредита Ильи. Но пока не пройдены согласования, это вариант, а не деньги.

Берестов смотрит на мужа. Илья бледнеет: он понимает, почему я сравнила цифры.

— Личный кредит здесь обсуждать не будем, — отрезает он.

— Тогда не используйте его как причину выгнать меня из проекта, — отвечаю я.

Берестов хмыкает и входит в переговорную. Роман следует за ним. Он не защищает меня дальше, потому что я уже ответила сама.

Илья остаётся возле лифта.

— Ты не понимаешь, во что лезешь. Если совет начнёт откладывать решения, банк точно заморозит деньги. Тогда пострадает и квартира.

— Квартиру поставил под удар ты. Я ищу способ снизить расходы.

— Ты ищешь способ доказать, что я во всём ошибался.

— Нет. Мне хватает того, в чём ты уже признался.

Я возвращаюсь к работе. Вечером Илья ждёт меня дома. Маша делает уроки на кухне, Лиза разговаривает с подругой в комнате. Муж принёс продукты и готовит ужин, хотя обычно только заказывает доставку. В кастрюле кипят макароны, на доске неровно нарезаны помидоры.

— Ты теперь будешь приходить без предупреждения? — спрашиваю я, снимая пальто.

— Я пришёл к детям. Это всё ещё мой дом.

Маша поднимает голову от тетради.

— Мам, папа сделал соус. Только он немного сгорел.

— Я слышал, ты теперь опять архитектор, — сообщает Илья дочери, помешивая кастрюлю. — Наша мама решила вернуться на работу.

Слова вроде хорошие, но «решила» он произносит так, будто я внезапно записалась на танцы перед контрольной Маши.

— А ты будешь строить дома? — Маша оживляется. — Можно такой, где у меня две комнаты?

— Пока я помогаю исправить один старый проект. А две комнаты придётся заслужить уборкой первой.

Дочь смеётся. Илья тоже улыбается и ставит перед ней тарелку. На несколько секунд кухня снова становится нашей прежней кухней; потом наверху что-то роняют, и Маша поднимает глаза к потолку.

— Миша тоже сейчас ужинает с папой?

Илья слишком долго ищет полотенце.

— Позже поужинает. Сейчас я с вами.

— А ночью снова будешь с ним?

— Маш, заканчивай уроки, — вмешиваюсь я. — Про расписание папы спрашивай у него, но сейчас ему всё равно надо договорить со мной.

Илья выключает плиту, открывает окно и просит дочь закончить задания в своей комнате. Маша уносит тетради, бросая на нас тревожный взгляд.

— Не переноси наш спор на девочек, — говорит он, когда мы остаёмся одни. — Ты стала возвращаться позже, Лиза забирает Машу, няня сидит дольше. Это только четыре дня. Что будет, если работа станет постоянной?

— Мы перестроим расписание. Так живут семьи, где у матери есть работа.

— Ты семь лет сама говорила, что детям спокойнее, когда хотя бы один родитель доступен.

— Потому что второй родитель почти никогда не был доступен. Я не знала, что часть его времени заранее обещана другой квартире.

Илья снимает кастрюлю с плиты и ставит в мойку. Вода шипит на горячем дне.

— Я могу теперь забирать Машу чаще. Возить на гимнастику, делать уроки. Но ты же каждый раз смотришь на меня так, будто я собираюсь её украсть.

— Я спрашиваю адрес и время. После выдуманной командировки это нормальные вопросы.

— Для тебя теперь всё оправдано одной командировкой.

— Пятью годами, Илья.

— У Маши школа рядом с домом, своя комната, привычный режим. А ты начала имущественный спор, хотя даже не понимаешь, где будете жить, если банк потребует залог.

Он ставит передо мной тарелку, хотя я не просила. Макароны слиплись, соус пахнет горелым чесноком. Илья очень старается выглядеть отцом, который один думает о стабильности детей.

— Я найду жильё.

— Где? — Он сразу цепляется за ответ. — У твоей мамы однокомнатная квартира в другом городе. Снимать рядом с этой школой дорого. Переехать дальше — значит возить Машу через полгорода. Лиза откажется менять класс.

— Я не сказала, что перевезу их завтра.

— А кредит ждать не будет, если банк откажет. Ты начала войну за имущество, вернулась на работу и ни разу не села посчитать, сколько стоит жизнь девочек без моего дома.

— На какие деньги? Снимать рядом дорого. Покупать сейчас ты не сможешь, пока идёт раздел. Твоя зарплата по месячному контракту даже аренду здесь не покроет.

— Я не собираюсь обсуждать с тобой мой заработок.

— Тогда обсуди реальность. — Он опирается ладонями о стол и смотрит мне в лицо. — Ты уже придумала, куда повезёшь девочек, если банк заберёт квартиру?

Я хочу ответить сразу, но в голове перебираются адреса, и ни один не принадлежит мне. Нижняя квартира Ильи. Верхняя — Тамары Сергеевны. Дача записана на свекровь. Счета и акции ещё предстоит искать и делить.

Собственного жилья у меня действительно нет.

Глава 13. У папы есть сын

Илья отодвигает от меня остывшую тарелку и убавляет воду. Паузы ему хватает, чтобы мой страх прозвучал убедительнее любого ответа.

— Ты поэтому спустился? Напомнить, что даже пол под ногами принадлежит тебе?

— Я спустился приготовить Маше ужин. — Он вытирает руки кухонным полотенцем. — А с тобой пытаюсь говорить о том, о чём ты не думаешь.

— Думаю. С адвокатом, цифрами и документами. Без детей за стеной.

Илья смотрит в сторону коридора. Дверь Машиной комнаты приоткрыта; по столешнице скачет тонкая полоска света. Дочь наверняка слышит голоса, даже если старательно решает задачу про два поезда.

— Я не собираюсь выставлять вас на улицу, — говорит он тише. — Если ты перестанешь разносить нашу жизнь по кабинетам, квартиру можно сохранить.

— Как удобно. Сначала заложить дом, потом предложить мне хорошее поведение в обмен на крышу. И всё это назвать заботой.

Он бросает полотенце на край мойки. На этот раз аккуратно сложить не получается.

— Ты уже решила, что я твой враг.

— Нет. Враг — человек посторонний. Ты мой муж, который пять лет жил двумя семьями и взял кредит под квартиру одной из них.

Из комнаты выходит Маша. Она держит тетрадь раскрытой, прижимая к груди, и переводит взгляд с меня на отца.

— У вас опять про банк? Мне Лиза сказала, что банк может забрать квартиру, если ему не заплатить.

Илья первым идёт к ней. Приседает, забирает тетрадь, хмурится на пример так убедительно, будто секунду назад не загонял меня в угол этой самой квартирой.

— Никто ничего у тебя не забирает. Ошибка вот здесь: шесть на семь — сорок два, а ты написала сорок восемь.

— Потому что вы кричали.

— Мы больше не будем, — отвечаю я и подхожу к ним. — Но если услышишь что-то непонятное, спрашивай у меня. Не додумывай одна и не пугайся заранее.

Маша кивает, хотя спокойнее не становится. Илья целует её в макушку и обещает утром отвезти в школу. Потом уходит наверх, прихватив контейнер с ужином. За Валерией и Мишей, понимаю я, закрывая за ним дверь. Он приготовил на моей кухне еду для обеих квартир, а я даже не заметила, когда он успел разделить порции.

Ночью я открываю сайты с арендой. Двухкомнатная рядом со школой стоит почти столько, сколько озвучил Илья. В дешёвом варианте плесень видна даже на фотографиях, в другом хозяин запрещает жить с детьми. Я сохраняю четыре объявления и отправляю адвокату вопрос об оплате аренды со спорного счёта. У страха появляются адреса, суммы и залог за последний месяц.

Утром Илья действительно забирает Машу. Я слышу, как она смеётся в прихожей, пока он застёгивает ей куртку, и не выхожу. Лиза завтракает стоя, листает сообщения и делает вид, что не замечает отца. Перед дверью Илья задерживается, но старшая дочь проходит мимо него к лифту.

— Мам, я сама после школы заберу Машу, — сообщает она уже из кабины. — У нас последнего урока не будет.

— Напиши, когда выйдете.

— Я всегда пишу.

Двери сходятся перед её лицом. Между школой и квартирой всего несколько кварталов, консьерж и один лифт, но безопасным этот короткий путь больше не выглядит.

В мастерской Лиза присылает фотографию Маши с подписью: «Взяла», потом предупреждает, что они заходят за цветной бумагой. На моё сердечко старшая отвечает закатившимся смайликом.

К их возвращению я успеваю домой. В холле пахнет влажными куртками и кофе из автомата консьержа. Лиза толкает перед собой Машу, у которой из пакета торчит рулон зелёной бумаги, а сама сердито рассказывает, что второклассникам снова задали проект, который без высшего художественного образования не сделать.

— Там всего лишь лес, — защищается Маша. — И четыре времени года.

— Одновременно на одном ватмане. Учительница явно хочет проверить родителей.

Мы заходим в лифт. Я нажимаю кнопку нашего этажа, и в последний момент между дверями появляется детская варежка. Лиза резко придерживает створку. В кабину входит Валерия, за руку с Мишей.

Она узнаёт нас и застывает у панели. Миша тащит рюкзак с пожарной машиной и не замечает, что взрослые разучились дышать.

— Спасибо, — произносит Валерия, не глядя на Лизу.

Лифт трогается. Маша прижимается ко мне плечом. Она знает Валерию как соседку сверху, ту самую, у которой прорвало воду в её день рождения. Лиза знает больше и рассматривает женщину в зеркале так открыто, что я касаюсь локтем её рукава.

— Мам, клей дома есть? — Маша спрашивает громче, чем нужно, и тут же начинает поправлять помятый край пакета.

— Был. Если после зимнего домика колпачок закрыли.

Телефон в её кармане гудит о стенку лифта. Маша едва не роняет пакет, пока вытаскивает его, и на экране появляется Илья — тот снимок у окна офиса, который я сделала прошлой осенью. Поверх фотографии мигает новое голосовое.

— О, папа про картон! — Она нажимает на треугольник.

«Машунь, я задержусь на совете. Картон привезу вечером, только напиши цвета».

Миша бросает возить пожарную машину по зеркалу. Слушает ещё секунду, потом дёргает мать за рукав.

— Мам, это же папа. А почему он Маше говорит?

У Валерии выскальзывает пакет. Один мандарин катится по полу и упирается в Машин ботинок. Она пытается поймать второй, одновременно притягивает сына к себе и только сильнее путается в ручках.

— Подними машинку, Миш. Ты не так услышал.

— Я так услышал! — Он сердится и тычет пальцем в Машин экран. — Папа. Он мне вчера про грузовик читал. И футболка его.

Маша смотрит на подпись «Папа», потом поворачивает телефон к мальчику, словно проверяет, точно ли речь об одном человеке. Мы пропускаем свой этаж. Лифт везёт нас выше и открывается напротив двери Валерии.

— Почему он говорит, что мой папа — его? — спрашивает Маша.

Лиза первой заслоняет кнопку, не давая дверям закрыться после выхода Валерии.

— Потому что взрослые врут, — бросает она. — Особенно когда думают, что дети маленькие и ничего не поймут.

— Лиза, не сейчас.

— А когда? Когда папа ещё одного ребёнка в соседнюю квартиру поселит?

Валерия останавливается в коридоре. Она прижимает к себе Мишу, а он обиженно сопит и пытается дотянуться до мандарина, оставшегося в лифте.

— Я не хотела, чтобы они узнали так, — говорит она мне.

— Но знала, что когда-нибудь узнают.

Она бледнеет, открывает рот, однако за моей спиной Маша спрашивает совсем тихо:

— Мам, что я должна узнать?

Я поднимаю мандарин и отдаю Мише. Он благодарит, уже забыв, из-за чего взрослые стоят в дверях. Маленький мальчик с пожарной машиной, который никого не обманывал.

— Идём домой, — говорю девочкам. — Я всё объясню.

Валерия ловит мой взгляд.

— Настя, может быть, Илья сам…

— У него было четыре года, чтобы подобрать слова.

Я нажимаю наш этаж. Двери закрываются, отсекая её вместе с Мишей. Маша стоит неподвижно. Лиза обнимает сестру за плечи, но смотрит на меня с тем взрослым, злым ожиданием, от которого хочется отвернуться.

В квартире Маша не снимает куртку. Садится на банкетку, кладёт телефон рядом и ждёт. Я расстёгиваю ей молнию, помогаю вытащить руку из рукава, хотя она давно умеет сама. Нужно чем-то занять свои пальцы, пока я выбираю слова, которые не сделают боль меньше, но хотя бы не добавят лжи.

— Миша правда сын папы, — говорю я. — Он родился четыре года назад. Папа мне об этом не рассказал.

Маша хмурится, будто решает задачу, в которой не сходятся условия.

— Тогда он наш брат?

— По папе — да.

— А тётя Валерия папина жена? — Она торопливо смотрит на меня. — Вместо тебя?

— Нет. Мы с папой пока женаты. Но он давно встречается с Валерией и жил частью времени наверху. Я узнала в твой день рождения.

Лиза уходит на кухню и с силой ставит пакет на стол. Рулон бумаги падает на пол. Я не останавливаю её. Маша тянется к телефону, открывает переписку с отцом, пролистывает голосовые и фотографии.

— Поэтому он был босой у них?

— Поэтому.

— И вода была из Мишиной ванной?

— Да.

Она закрывает переписку и кладёт телефон экраном вниз.

— Папа теперь будет папой Миши?

— Он уже его папа. И останется вашим. У любви к детям нет очереди, Маш. То, что папа сделал нам больно, не отменяет всего хорошего между вами.

Из кухни Лиза горько смеётся.

— Очень удобно для него.

Я иду к старшей, поднимаю бумагу и ставлю у стены.

— Злиться на отца можно. На Мишу — нет. Он ничего не выбирал и никого не обманывал.

— Я на него не злюсь. — Лиза вытирает глаза манжетой и сердится уже на слёзы. — Я злюсь, что папа заставил нас жить этажом ниже и здороваться с ними в лифте.

Маша появляется в дверях. Без куртки она кажется меньше, чем пять минут назад.

— Мам, а когда я ждала папу вечером, он иногда был у Миши?

Глава 14. Десять процентов

Ответ застревает где-то под рёбрами, но Маша смотрит прямо на меня. После всего, что случилось в лифте, даже спасительное «не знаю» прозвучит ещё одной ложью.

— Иногда был, — говорю я. — Но я тогда об этом не знала.

— Он говорил, что на работе.

— Да.

Лиза сжимает край стола. Маша не садится, берёт зелёный рулон и разглаживает помятый край.

— Значит, он хотел быть у Миши больше, чем у меня?

— Спроси об этом папу. — Я присаживаюсь рядом, чтобы наши лица оказались на одном уровне. — Я не буду придумывать ему хорошее объяснение. Но точно знаю: дело не в том, что ты хуже или тебя можно любить меньше.

В замке поворачивается ключ. Илья всё ещё открывает нижнюю квартиру своим ключом, хотя живёт этажом выше. Входит с упаковкой цветного картона под мышкой и начинает улыбаться, увидев Машу. Улыбка пропадает, когда Лиза молча включает его голосовое.

— Она знает, — объясняю я.

Илья кладёт картон на тумбу. Его взгляд мечется к Маше, потом ко мне, задерживается на Лизе.

— Машунь, я собирался сам тебе рассказать.

— Когда? — Старшая дочь встаёт между ними. — На Мишино совершеннолетие?

— Лиза, дай мне поговорить с сестрой.

— Говори при всех. Мы семья, помнишь? Ты любишь это слово, когда тебе надо, чтобы мама молчала.

Я увожу Лизу от двери, но не выставляю из кухни. У неё тоже отняли право услышать правду вовремя.

Илья садится перед Машей на корточки. Не прикасается к ней, ждёт разрешения.

— Миша мой сын. Я должен был сказать раньше. Боялся, что вы не поймёте и перестанете со мной разговаривать.

— Ты поэтому говорил, что работаешь?

Он проводит языком по пересохшей губе.

— Я работал. А иногда заходил к Мише. Он маленький и тоже ждал меня.

Маша обдумывает это, рассматривая дырочку на колене своих колготок.

— А если мы оба ждали, к кому ты шёл?

Илья закрывает глаза на секунду. Я могла бы оборвать разговор, сказать, что дочери хватит на сегодня, но именно этим он прикрывался четыре года: дети маленькие, время неудобное, позже будет легче.

— Я пытался успеть к вам обоим, — отвечает он наконец. — Получалось плохо.

— Получалось врать, — говорит Лиза.

— Да. Получалось.

Его согласие лишает её следующей колкости. Маша забирает картон и уходит в комнату. Илья собирается пойти следом, но я останавливаю его.

— Сегодня не надо. Она сама позовёт, когда захочет.

Он остаётся посреди кухни, куда только что принёс обещанную покупку. В кармане у него гудит телефон. Илья смотрит на экран и сбрасывает звонок, потом почти сразу получает сообщение.

— Что случилось? — спрашиваю я, заметив, как он перечитывает его.

— Ничего, что касается детей.

— У нас обычно именно так начинаются проблемы, которые потом касаются квартиры.

Он убирает телефон.

— Завтра совет. Нашёлся покупатель на участок. Если договоримся быстро, перекроем разрыв до решения банка.

Илья произносит это как хорошую новость, но в голосе нет облегчения. Я уже видела сводную таблицу активов компании: свободный участок — единственное, что можно продать быстро, не спрашивая согласия кредиторов. Ещё я видела расчёт нашей группы, из которого следует, что продавать его, возможно, не придётся.

— Роман согласен?

— Роман забывает, что компания должна дожить до его идеальных решений. — Илья направляется к двери. — И я серьёзно просил тебя не лезть в этот конфликт.

— А я серьёзно ответила, что работаю по контракту.

Он уходит наверх. Мне хочется собрать дочерей в комнате подальше от очередного удара. Вместо этого открываю рабочую переписку и пишу Марине, что утром буду раньше.

Совет назначают на девять, но к половине восьмого переговорная уже занята. Через стекло я вижу Илью у плана города с обведённым участком. Роман стоит у окна, Берестов листает распечатку.

В нашей комнате Белова распределяет расчёты. Громов спорит с инженером по сетям, Марина правит таблицу платежей. Я кладу сумку под стол и открываю модель.

— Участок уже оценили? — спрашиваю Марину.

— Покупатель предлагает на восемнадцать процентов ниже отчётной стоимости. За скорость. Илья хочет вынести сделку на голосование сегодня.

— А наш вариант?

— Предварительный. — Она подвигает мне свой кофе. — Если ошибёмся в календаре хотя бы на две недели, денег всё равно не хватит.

Белова бросает мне пакетик сахара.

— Через час нас попросят объяснить, почему пять специалистов за несколько дней умнее проектировщиков, подрядчика и финансового директора.

Мы меняем последовательность работ на спорной секции, убираем резерв техники и дробим закупку металла. Экономия на бумаге перекрывает разрыв. Пока поставщики и действующие проектировщики не подтвердили, что бумага выдержит стройку.

В девять нас зовут в переговорную. Илья видит меня в дверях и поворачивается к Марине.

— Зачем здесь консультанты? Вопрос по продаже актива, а не по проектированию.

— Продажа нужна из-за дефицита по проекту, — отвечает она, устраиваясь напротив. — Мы принесли вариант, который может дефицит снять.

Покупатель готов внести аванс за десять дней и закрыть сделку до конца месяца. Илья показывает график выплат и письма банка. Говорит спокойно, и без нашего расчёта его выход кажется единственно взрослым.

— Участок приобретали для следующей очереди, — возражает Роман, когда Илья заканчивает. — Продадим сейчас со скидкой, через год будем покупать замену дороже. Потеряем площадку, будущую прибыль и возможность расширения.

— Будущая прибыль не оплачивает сегодняшний бетон, — отвечает Илья. — Если сорвём график, банк остановит финансирование текущего проекта. Тогда следующую очередь можно будет рисовать на салфетке.

Берестов снимает очки. Его десять процентов сейчас превращают спор братьев в решение.

— Мне тоже жалко участок, — говорит он. — Только жалость в платёжку не приложишь. Лучше недополучить прибыль потом, чем сейчас потерять кредитную линию и весь объект.

Илья коротко кивает. Секретарь уже придвигает к себе лист голосования.

— Подождите, — говорю я.

Все поворачиваются ко мне. Я открываю нашу таблицу на экране, хотя Илья ещё вечером дал понять, что именно этого не хочет.

— Дефицит рассчитан по действующему графику Дронова. В нём техника на спорной секции простаивает двадцать два дня, но оплачивается как работающая. Металл закупается одним объёмом, хотя на площадке его негде хранить. Если изменить последовательность, оплату можно разнести, а резерв подрядчика сократить.

Главный инженер придвигает микрофон.

— Проектировщики подтвердили перенос нагрузок?

— Они проверяют. Предварительно критических препятствий нет.

Илья даже не скрывает раздражения.

— То есть вы предлагаете отказаться от реальной сделки ради расчёта, который никто не подтвердил?

— Мы предлагаем не продавать ликвидный актив с восемнадцатипроцентным дисконтом до окончания проверки.

— А если проверка провалится, покупатель уйдёт. Ты возьмёшь на себя ответственность за остановку финансирования?

Он говорит мне «ты» посреди официального совета. Юрист опускает взгляд в блокнот. Берестов переводит глаза с Ильи на меня, и в его лице появляется усталое любопытство.

— Ответственность за решение несёт совет, — вмешивается Роман. — Консультант отвечает за качество расчёта. Не подменяй одно другим.

— Я не с тобой разговариваю.

— А придётся, — спокойно отвечает Роман. — У меня сорок четыре процента, и я против продажи.

Белова касается ручкой строки в моей распечатке. Я возвращаю разговор к цифрам, пока братья не превратили совет в семейную драку.

— Я считала по худшему варианту, — говорю я. — Высвобождается сто двадцать восемь миллионов. Если поставщики урежут отсрочку, одиннадцать всё равно останутся. Но без их писем и проверки норм это пока наша таблица. Больше ничего.

Берестов постукивает сложенными очками по папке.

— И сколько ваша таблица будет превращаться во что-нибудь посерьёзнее?

Громов просит неделю. Илья тут же напоминает, что во вторник это удобный ответ, а покупатель ждёт до пятницы. Берестов возвращает очки на нос, перечитывает последнюю страницу и долго выясняет у Марины, когда именно компании понадобятся деньги.

— Продажа безопаснее, — заключает он. — Так я считал до этого разговора и пока не передумал. Но торопиться со скидкой, если участок можно сохранить, тоже глупо.

— Сергей Павлович, недели у нас нет, — произносит Илья, уже поняв, куда он клонит.

— А я неделю и не даю. — Берестов захлопывает папку и толкает её через стол. Та останавливается передо мной. — Трое суток, Анастасия. В пятницу, в девять утра, я хочу увидеть доказательства. Не принесёте — участок продаём.

Глава 15. Три дня

Я прижимаю папку ладонью, пока она не свалилась с края стола.

— В пятницу получите, — отвечаю я.

Белова тихо произносит моё имя, но удерживать меня уже поздно.

Поздно. Берестов уже кивнул секретарю, а Роман смотрит знакомо: раз пообещала вслух, сама загоню себя до результата.

Илья догоняет меня у двери.

— Ты понимаешь, что поставила на кон участок компании?

Я перекладываю папку в другую руку.

— Он был поставлен до моего прихода. Я попросила три дня проверить другой выход.

— И получила красивую возможность. Если расчёт не выдержит, виноватой окажешься ты, а Роман останется человеком, который всего лишь поверил специалисту.

Он ждёт, что имя брата заставит меня оправдываться. Я открываю дверь.

— Тогда тебе выгодно не мешать специалисту.

Я не жду ответа и иду за командой. В комнате для проектировщиков Громов уже освобождает стену от старых схем. Белова собирает телефоны поставщиков, Марина требует выгрузку платежей по дням, архитектор действующей команды Кирилл Савин несёт из принтера кипу чертежей. На дверь приклеивают лист «ПЯТНИЦА, 9:00», и он больше похож на угрозу, чем на расписание.

К обеду стол исчезает под распечатками. Я беру на себя последовательность работ и временную логистику: если перенести складирование металла к северной границе, техника перестанет простаивать возле второй секции. Кирилл отмечает проезды, Громов сверяет объёмы, инженер Дронова по видеосвязи повторяет, что менять утверждённую схему поздно.

— Поздно станет, когда продадут участок, — говорю ему. — Сейчас пришлите журнал работы кранов за последние шесть недель.

— У вас нет полномочий запрашивать нашу внутреннюю документацию.

Марина наклоняется к камере.

— Зато у финансового директора есть. Журнал жду через час. Вместе с актами простоя.

Он отключается, не попрощавшись. Белова толкает ко мне коробку с лапшой. Я отодвигаю её от чертежа, успеваю сделать два глотка остывшего бульона и снова спорю с Кириллом о временном проезде.

Во вторник вечером я нахожу, как освободить ещё три дня в графике. По старой редакции норм площадку разворота можно совместить с участком разгрузки, если машины приходят по часам. Я обвожу нужное место зелёным и уже собираюсь пересчитать доставку, когда Кирилл забирает у меня маркер.

— Так больше нельзя.

Я забираю у него ноутбук и ещё раз смотрю на схему.

— Почему? Мы не перекрываем пожарный проезд.

Он открывает на ноутбуке действующую редакцию свода правил, показывает изменение, вступившее в силу прошлой весной. Зона должна оставаться свободной постоянно, график поставок значения не имеет.

— Раньше согласовали бы, — говорит Кирилл. — Теперь экспертиза завернёт.

Меня бросает в жар. Я уверенно спорила десять минут и едва не встроила в расчёт ошибку, которую семь лет назад ошибкой бы не назвали.

— Убираем зелёную схему, — говорю я и перечёркиваю свой круг. — Сколько потеряли?

— Три дня и часть экономии на технике.

Я выбрасываю испорченный лист в корзину.

— Значит, найдём в другом месте.

Кирилл ждёт оправдания, но я открываю таблицу поставок. Возвращение не должно выглядеть так, будто я всё помню. Я не всё помню. Моя работа теперь в том, чтобы заметить это раньше, чем бетон окажется на площадке.

К полуночи мы переносим разгрузку на восточную полосу и разбиваем поставку ещё на две партии. Это дороже первого варианта на четыре миллиона, зато законно и выполнимо. Кирилл ставит электронную подпись под схемой, а я отправляю её главному инженеру на согласование.

Утром среды Илья присылает письмо покупателя: тот просит договор до конца дня. Следом Маша отправляет фотографию бумажного леса. В углу стоит дом с двумя дверями. «Одну Мише, чтобы он не ходил через наш лифт». Я звоню ей, выслушиваю жалобу на Лизины снежинки и возвращаюсь к таблице.

Журналы Дронова приходят к обеду. Резервный кран за шесть недель отработал девять смен, хотя оплачен весь период. Две единицы техники стоят одновременно там, где по графику хватает одной. Громов проверяет записи по актам, а Марина считает возврат и будущую экономию.

— Дронов сейчас назовёт второй кран страховкой, — говорит Белова. — И спросит, кто ответит, если первый встанет.

Я открываю ноябрьские акты.

— Пусть сначала покажет, от чего именно страхуется. Здесь кран простаивал рядом с исправным. Здесь тоже. Авария у них одна, да и та на другой секции.

В четверг нас держит поставщик металла. Его менеджер раз за разом повторяет в трубку: «Делить объём невыгодно». На пятом круге я прошу назвать цену неудобства в рублях, и он обижается. Марина тем временем запрашивает предложение у конкурента. Оно дороже, зато платить можно частями.

Мы пересылаем цифры первому поставщику. Через сорок минут менеджер ворчит, что поговорит с директором. Ещё через три часа приходит письмо: три партии, три платежа. Я кладу его поверх журналов Дронова.

К вечеру главный инженер подписывает новую последовательность. Из первоначальных ста двадцати восьми миллионов остаются сто двадцать два. Я больше не пытаюсь вернуть потерянные шесть: за этой суммой есть живые люди, сроки и подписи.

В пятницу без десяти девять мы снова сидим перед акционерами. Я пью кофе и чувствую только горечь. Перед Берестовым лежат письма, схема Кирилла, заключение главного инженера и журналы техники.

Илья читает всё. Он задаёт вопросы не мне — Громову, Марине, Кириллу. Проверяет слабые места и находит мою зачёркнутую схему в приложении.

— Почему этот вариант сняли?

— Я использовала старую редакцию нормы, — отвечаю я прежде, чем Кирилл успевает прикрыть меня. — Он не проходил экспертизу. Кирилл исправил, мы пересобрали логистику. В итоговой сумме его нет.

Берестов поднимает брови.

— И вы сами принесли мне ошибочный лист?

Я подвигаю приложение ближе к нему.

— В журнале изменений должны быть и отброшенные решения. Иначе через месяц кто-нибудь снова предложит то же самое и потратит день на проверку.

Он хмыкает, листает заключение. Дронов подключается по экрану и горячо доказывает, что сокращение резерва угрожает срокам. Громов выводит его же журналы и просит назвать хотя бы одну смену, когда второй кран спас график. Дронов называет аварию в ноябре. Кирилл показывает, что авария произошла на другой секции и к спорной технике отношения не имела.

Роман почти не говорит. Я замечаю, как трудно ему молчать, но сегодня расчёт обязан выдержать без братской поддержки.

Берестов дочитывает последнюю страницу и откладывает ручку.

— Сто двадцать два миллиона не закрывают все будущие риски.

— Продажа участка тоже, — отвечает Марина. — Она только даёт деньги раньше и создаёт потерю на следующем проекте.

— Ладно, — произносит Берестов. — Сегодня участок не продаём. Через две недели покажете мне фактические платежи и график. Не сойдутся — будете снова искать покупателя, только уже без этих трёх суток на красивые идеи.

Громов шумно отодвигает кресло. Кирилл под столом показывает мне кулак с поднятым большим пальцем, а Белова тут же одёргивает его: до победы ещё две недели. Но сегодня письмо покупателю не уйдёт. Мне этого достаточно.

Илья складывает приложения в одну неровную пачку.

— Поздравляю. Теперь докажи то же самое на стройке.

Я прячу свою копию в сумку.

— Для этого меня и наняли.

После семи я открываю дверь квартиры и едва не наступаю на чужие ботинки в синих чехлах. В гостиной щёлкает рулетка. Незнакомый мужчина с планшетом прислоняет её к стене, диктует помощнику размеры и просит Илью открыть встроенный шкаф.

— Вы кто?

Мужчина начинает представляться, но Илья уже выходит из спальни с кредитным договором.

— Оценщик банка. Это нужно для рефинансирования.

Удостоверение я всё равно проверяю. Оценщик ждёт, пока я прочитаю фамилию, и лишь потом спрашивает, можно ли пройти в комнаты девочек.

— Их дома нет, — быстро добавляет Илья. — Лиза у подруги, Маша на гимнастике. Личные вещи крупно не снимайте.

Я иду следом. В Машиной комнате сотрудник считает окна, снимает вид из них, отмечает трещину над батареей. На столе лежит розовая заколка. Я убираю её в ящик и спрашиваю, когда банк даст ответ.

Оценщик косится на Илью.

— Я договор читала, — говорю ему. — Назовите срок.

Он сворачивает рулетку и убирает её в чехол.

— Отчёт готовится три рабочих дня. Льготный срок заканчивается двадцать седьмого числа. Если обязательство к этому времени не исполнено, с двадцать восьмого кредитор вправе начать обращение взыскания на квартиру.

Глава 16. Цена Маши

— На квартиру, где живут двое детей? — спрашиваю я.

Оценщик застёгивает чехол и передаёт планшет помощнику.

— Регистрация несовершеннолетних учитывается при реализации, но залог возник с согласия собственника. За разъяснениями по процедуре вам лучше обратиться к юристу банка.

Илья провожает его до двери и возвращается раздражённым.

— Он назвал крайнюю дату по договору. Двадцать восьмого никто не приедет менять замки.

Я показываю ему запись в телефоне.

— Зато после двадцать восьмого у банка появится право начать.

— Если не будет рефинансирования. Мы для этого и сохраняем проект.

Он говорит «мы», хотя три дня пытался продать участок вопреки нашему расчёту. Я записываю дату в телефон и пересылаю адвокату. Ответ приходит утром: «Приезжайте. Подняли реестр и документы по компании».

На столе в его кабинете меня ждут три папки. Первую я уже знаю: нижняя квартира приобретена Ильёй до брака, принадлежит ему и заложена по личному кредиту на сто двадцать миллионов. Адвокат кладёт сверху свежую выписку и переходит ко второй.

— Верхнюю квартиру Тамара Сергеевна купила два с половиной года назад. Деньги пришли ей от вашего мужа по договору займа.

— Значит, он действительно дал деньги матери. Так и говорил.

— Дал. Вопрос в том, откуда они взялись. — Адвокат придвигает банковскую выписку и отмечает две строки карандашом. — Вот продажа активов, купленных во время брака. Через неделю почти вся сумма ушла Тамаре Сергеевне. По договору она должна её вернуть.

— А возвращать собиралась?

Он пожимает плечами: намерения в реестре не записаны. Чтобы вернуть заём в состав семейного имущества, придётся поднять движение денег и спорить в суде. Шанс есть.

Я записываю сумму. На эти деньги можно было внести первый взнос за квартиру рядом со школой. Илья выбрал квартиру этажом выше, провёл платёж через мать и всё равно назвал это помощью семье.

До третьей папки я добираюсь уже без чашки: она мешает раскладывать листы. На обложке знакомое название компании.

— «Вертикаль» создали через три года после вашей свадьбы, — говорит адвокат. — У мужа сорок шесть процентов. Чем пакет оплачивали, будем выяснять отдельно, но приобретён он в браке. Начальная позиция для раздела — половина.

Я пишу в блокноте сорок шесть и провожу черту.

— Двадцать три.

— По исходной позиции — да. Суд может обсуждать акции, денежную компенсацию, оценку пакета. Корпоративные юристы будут сопротивляться. Но требование у вас есть.

Рядом с этой цифрой расстановка в совете выглядит иначе: сорок четыре у Романа, десять у Берестова. Половина пакета Ильи способна сдвинуть любое голосование.

— Иск пока не подавайте, — решаю я. — Подготовьте требования и обеспечительные меры. Сначала я хочу услышать Илью.

Илья приходит вечером. Не с девочками и не из верхней квартиры — из офиса, в костюме, с тонкой серой папкой. Маша делает лес в своей комнате, Лиза разговаривает с подругой в наушниках. Я закрываю дверь кухни.

— Ты уже знаешь про акции, — говорит он.

Я не предлагаю ему чай и остаюсь стоять.

— И про заём твоей матери.

Он садится и раскрывает соглашение, будто мы продолжаем утренний совет.

— Тогда можем не тратить месяцы на суды. Нижняя квартира сохраняется для проживания девочек. Я закрываю личный кредит и не ставлю вопрос о выселении. Остальные активы делим по перечню, детям гарантирую прежний уровень расходов: школа, занятия, медицина, отдых.

— Квартира остаётся чьей?

Он находит нужный пункт кончиком ручки.

— Моей. Но у тебя и девочек будет право проживания до совершеннолетия Маши.

— То есть я получаю разрешение жить в доме, который твой кредит может отнять через несколько недель.

— Я обязуюсь закрыть кредит. Это будет в соглашении.

Он подвигает документ. В разделе о моих обязательствах пунктов больше. Я отказываюсь от требований на акции или компенсацию за них. Не оспариваю заём Тамаре Сергеевне. Не инициирую ограничения корпоративных прав Ильи. После окончания текущего договора прекращаю участие в проектах «Вертикали», если совет отдельно не согласует продолжение.

— Ты предлагаешь мне купить право жить с детьми в квартире на мои же активы.

— Я предлагаю сохранить детям дом и не уничтожать компанию разделом акций.

Я возвращаю соглашение на его половину стола.

— Компания пережила твой личный кредит на сто двадцать миллионов. Переживёт и законные требования жены.

Илья снимает пиджак, вешает на спинку стула. Галстук съехал в сторону, под глазами залегли тени. Он выглядит уставшим человеком, который принёс разумный договор и никак не ожидал, что я прочитаю мелкий шрифт.

— Ты не управляла компанией семь лет. Акции тебе нужны как рычаг против меня и Роману — как дополнительный голос.

Он произносит имя брата с такой уверенностью, будто у меня обязательно должен быть мужчина, который решает вместо меня.

— Я пока не просила Романа ни о чём. И работу получила после проверки команды.

— Не будь наивной. Он привёл тебя в совет в день, когда мы решали судьбу участка. Теперь все видят семейный конфликт вместо экспертизы.

— Семейный конфликт появился не со мной. Он появился, когда ты оплачивал вторую квартиру общими деньгами и закладывал первую ради компании.

Из коридора доносится скрип двери. Я встаю, проверяю: Маша снова закрылась у себя, Лиза не вышла. Возвращаюсь и кладу соглашение перед Ильёй.

— Я это не подпишу.

Илья не забирает папку.

— Подумай до завтра.

— Нет. Ты оставляешь себе квартиру, акции и деньги, вложенные в жильё Валерии. Мне выдаёшь право не выселяться и счета за кружки. Ответ уже есть.

Он медленно застёгивает папку.

— Хорошо. Тогда всё будет официально.

Лифт увозит Илью на один этаж вверх. Я возвращаюсь в детскую. Маша успела вылить слишком много клея на осеннее дерево и теперь собирает его салфеткой. Мы вместе ищем фотографию дубовых листьев, спорим, бывает ли лес одновременно зелёным и жёлтым. Клей засыхает у меня на пальцах. Про акции я молчу.

Телефон звонит почти в полночь. Адвокат здоровается дважды, будто проверяет, слышу ли я его.

— Только что пришло уведомление районного суда. Илья Андреевич подал иск об определении места жительства ребёнка.

Я вытираю руки о кухонное полотенце и сажусь.

— Лизы или Маши?

— Маши. По старшей дочери требований нет. Я переслал вам материалы.

В почте открываются одиннадцать приложений. Характеристика из школы, расписание моих встреч, справка о новом проектном контракте. Отдельно приложены сведения о залоге: квартира может быть утрачена, у матери собственного жилья нет. У Ильи, написано дальше, стабильный доход и возможность сохранить привычный дочери адрес. Тамара Сергеевна нотариально согласна предоставить помещение наверху.

К отчёту прикреплены фотографии. В комнате, которую в день протечки я успела увидеть только из коридора, теперь стоит детская кровать. Рядом новый стол, на полке знакомые книги. Розовое покрывало с белыми звёздами Маша две недели назад показывала отцу в магазине.

Значит, она уже заходила туда. Может быть, выбирала место для книг. Илья готовил эту комнату, пока спрашивал, куда я увезу девочек, если банк заберёт нижнюю квартиру.

Я возвращаюсь к первой странице. В углу стоит штамп канцелярии: сегодня, девять часов двенадцать минут.

Вечером Илья предлагал мне договориться по-хорошему. Утром того же дня иск на Машу уже приняли в суде.

Глава 17. Комната наверху

Я снова открываю каждое приложение. Уже не листаю — читаю с первой строки, выписываю даты, фамилии, основания. Если Илья собирается объяснять суду мою жизнь, я должна знать, какую именно версию он принёс.

В характеристике из школы Маша тревожна из-за возможного переезда. В справке из «Вертикали» мой договор назван краткосрочным и предполагающим ненормированный график. К фотографиям верхней комнаты приложен акт осмотра, подписанный Тамарой Сергеевной и Ильёй. Ни слова о том, что в этой квартире живут Валерия и Миша. Просто «жилое помещение, предоставляемое отцу ребёнка собственником».

Я сохраняю всё в отдельную папку и пересылаю адвокату вопросы. Потом открываю календарь Маши. Школа, гимнастика, занятие с логопедом, день рождения

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.